

СОФА ЯСЕНЕВА

РАЗВОД

Время любить ~~ты~~ себя

Софа Ясенева

Развод. Время любить себя

«Литнет»

2025

Ясенева С.

Развод. Время любить себя / С. Ясенева — «Литнет», 2025

— Вон пошла!— Ч-что?.. — я смотрю на мужа, не моргая.— Вали, сказал, — сквозь зубы. — Быстрее. Я была уверена, что наша любовь выдержит всё. Девять лет рядом — разве можно ошибиться? Но одна вечеринка перечеркнула всё. За минуту он превратился из любимого мужа в чужого человека, который выставляет меня зимой на улицу. К тому же я узнала, что другая женщина беременна от него. Теперь мне предстоит узнать правду о том, что скрывалось за нашей “идеальной” жизнью... и решить, как жить дальше, когда всё рушится. Книга участвует в литмобе “(Не) развод под новый год”;

© Ясенева С., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1 Диана	5
Глава 2 Диана	7
Визуализация	9
Глава 3 Диана	14
Глава 4 Диана	17
Глава 5 Диана	20
Глава 6 Диана	24
Глава 7 Кирилл	27
Глава 8 Диана	30
Глава 9 Диана	34
Глава 10 Диана	37
Глава 11 Диана	40
Глава 12 Диана	43
Глава 13 Диана	47
Глава 14 Диана	50
Глава 15 Диана	54
Глава 16 Диана	57
Глава 17 Диана	60
Глава 18 Диана	63
Глава 19 Диана	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Глава 1 Диана

— Ди, слушай, а как у вас с Киром?

— Да всё в порядке, ну подумаешь, поссорились немного. Помирился, что ты, не знаешь нас, — ободряюще улыбаюсь, поглядывая на коллег, веселящихся на новогоднем корпоративе.

Музыка играет чуть громче, чем нужно, в зале пахнет хвоей, шампанским и духами. Кто-то из ребят уже пустился в пляс, кто-то устроил караоке на импровизированной сцене. Всё вокруг сияет огнями.

Вера всегда очень переживала за наши отношения, едва ли не больше, чем мы сами. Вот такая она у меня, широкая душа, моя любимая подруга и по совместительству коллега. Именно поэтому я не хочу её расстраивать. Ведь ничего хорошего про нас сейчас я сказать не могу. Мы с мужем не разговариваем уже неделю. Всё началось с невинного упоминания с моей стороны, что в мои двадцать пять мы договорились планировать беременность.

Сама не понимаю как, но слово за слово, и мы разругались в пух и прах, и теперь я не уверена в нашем совместном будущем совсем. С чего вдруг Шувалов так отреагировал, до сих пор не пойму. Ведь двадцать пять мне исполнилось неделю назад, и я думала, что Кир будет рад планированию ребёнка.

Мы осознанно откладывали этот вопрос, пока не встанем оба на ноги, и мне казалось логичным снова обсудить эту тему. Но думаю, как и обычно, мы обязательно помиримся. Просто в этот раз нужно чуть больше времени.

— Мне неловко как-то говорить тебе... Но я боюсь, что если ты не узнаешь, я буду чувствовать себя предательницей.

— Верунь, ну какая из тебя предательница? — приобнимаю её непринуждённо, хотя тревога плотным обручем стягивает рёбра.

Она не отвечает сразу. Смотрит в бокал, водит пальцем по краю, словно ищет, с чего начать.

— Ди, я сейчас серьёзно.

В глазах Веры нет ни тени улыбки, и это странно, учитывая, что она всегда на позитиве. Обычно у неё даже плохие новости звучат как анекдоты. Сейчас же — каменное лицо.

— Ладно, выкладывай.

Мы выходим на балкончик на втором этаже арендованного зала, чтобы подышать свежим воздухом, а заодно спрятаться от лишних ушей, коих в нашем рекламном агентстве зашкаливает количество. За спиной хлопает дверь, гул голосов и музыка остаются внутри, а снаружи только снежная тишина, свет гирлянд и редкие хлопья снега, падающие на перила.

— Я на днях видела Кира тут, у нас. Но он не заходил к тебе, а вместо этого забрал Наташу из бухгалтерии, и они отправились в кафе напротив.

Я не сразу понимаю смысл сказанного. Сначала даже улыбаюсь машинально.

— Ты же пошла за ними?

— Нет, меня шеф вызвал. Но мне показалось странным то, что шли они под ручку, как пара. Может, спросишь у Кира сама?

Оглядываюсь, сканируя взглядом зал через стеклянную дверь. Несмотря на размолвку, на корпоратив со мной муж пошёл. Правда, почти сразу скрылся в толпе, вроде бы к ребятам из дизайна. Но я ему доверяю, как себе самой. Всегда доверяла. И даже не предполагала, что он мог не просто составить мне компанию, а хотеть кого-то увидеть.

Теперь же мне будто огромный кол в позвоночник забили, я двигаюсь как марионетка, несуразно, рвано, не чувствуя ног. Сердце стучит где-то в горле, а холодный воздух обжигает лёгкие. Чувствую, что теряю опору. Не знаю, почему мне так тревожно, но чутьё бьёт набат, что-то не так. Очень не так.

Пробираюсь сквозь коллег на танцполе, прокладывая себе дорогу плечами. Ловлю недовольные взгляды, кто-то что-то шепчет вслед, но не обращаю внимания. Всё, чего я сейчас хочу, — это увидеть Кира, прижаться к нему, вдохнуть его знакомый запах парфюма и убедиться, что он всего лишь обсуждал с кем-то из парней тачки или крипту. Но его нигде нет.

Гирлянды мелькают перед глазами, музыка гремит так, что пол дрожит, кто-то поёт в караоке в соседней комнате. Воздух густой от паров шампанского и перегретых тел, и я чувствую, как в груди нарастает паника. Ещё пару минут, и я просто сорвусь.

Подхожу к нашему айтишнику, Глебу, который явно мечтает, чтобы Рита из HR наконец заметила его намёки. Он стоит у стойки с бокалом, делает вид, что расслаблен, но я-то вижу, как он то и дело бросает взгляды в её сторону.

— Глеб, ты Кира не видел? Не могу его нигде найти.

Он вздрагивает, будто я застала его за чем-то личным. Секунда, и растерянное выражение лица сменяется напряжением. Губы чуть подрагивают, как будто он пытается что-то сказать, но не знает, можно ли.

— Ты чего молчишь? — спрашиваю, чувствуя, как в животе неприятно тянет.

— Да вроде он выходил на крыльцо... но это не точно, — наконец произносит он, избегая взгляда.

— Спасибо! — улыбаюсь натянуто и сразу двигаюсь в указанном направлении.

Музыка становится глуше с каждым шагом, свет гирлянд меркнет, уступая место полутёмному коридору. Сердце колотится где-то под рёбрами, будто хочет вырваться наружу. Руки дрожат. Я не готова к новому разговору, не готова снова разбирать, кто прав, кто виноват. Но и притворяться, будто всё нормально, не получается.

Мне жизненно важно убедиться, что несмотря на ссору, у нас всё в порядке. Что он — всё ещё мой Кир, просто устал, просто злился.

Как только я открываю дверь, ледяной воздух бьёт в лицо. В поле зрения попадают Кир и Наташа. Стоят чуть в стороне, у перил, в свете фонаря. Оба взволнованные, голоса резкие, дыхание сбивчивое. В пылу спора они не замечают, что уже не одни.

Это даёт мне возможность подслушать. И я, словно прикованная к месту, стою, слушаю, не в силах отвести взгляд.

— Мне плевать, что ты себе нафантазировала, Наташ. Я сразу сказал, что женат.

— И это не мешало тебе заняться сексом со мной, — бросает она холодно. — Да я и не претендую на твою руку и каменное сердце. Просто хочу понимать, насколько ты ответственный, Кирилл. Мне, знаешь ли, тоже не улыбается воспитывать ребёнка одной.

Шум в ушах нарастает, будто кто-то включил гулкую сирену. Мир плывёт, голоса становятся глухими, словно под водой. Я хватаюсь за холодный косяк, чтобы удержать равновесие. Всё тело будто ватное, а внутри — пустота.

Перед глазами рябит от огней и слёз.

Я делаю вдох, но воздух не идёт в лёгкие. И именно в этот момент дверь распахивается шире, шумная компания парней вываливается на улицу с криками и смехом. Один из них нечаянно толкает меня плечом, и я теряю равновесие.

Не удержавшись, делаю шаг вперёд, и сталкиваюсь с взглядом Кира. Каблук подворачивается, и я лечу на снег.

Глава 2 Диана

Наташа фыркает, когда наблюдает за тем, как Кирилл бросается ко мне, поднимает и помогает отряхнуться.

— Так это она твоя жена?

В её голосе смесь презрения и какой-то детской обиды, будто ей пообещали игрушку, а потом передумали. Я сбрасываю руку Кира со своего локтя и делаю шаг в сторону, чувствуя, как под подошвой предательски скользит лёд. Но Кир не намерен меня отпускать, он хватается за предплечье.

— Да стой ты, опять же упадёшь. Даже обувь не передела.

Но я всё равно настойчиво рвусь из его объятий. На каком-то, понятном только мне уровне, я чувствую: Шувалов врал не только мне. Лгал глубже, шире, так, что трещины расплзаются сейчас под моими ногами. Игнорирую острую боль в колене. Адреналин забивает всё.

— Да, это моя жена. Поэтому прекрати сейчас же свой спектакль, Наташа.

— Ты издеваешься? Пытаешься меня душой выставить? — у Ивановой аж крылья носа трепещут, отсюда видно. Глаза сверкают, губы поджаты в тонкую линию, она готова броситься в бой.

— Это моё последнее слово, — таких стальных ноток в тоне мужа я не слышала ни разу в своей жизни. А ведь мы с ним вместе с моих шестнадцати, девять лет бок о бок. Всегда мягкий, спокойный, рассудительный, а сейчас словно подменили.

— Да кем ты себя возомнил, а?! — выплёвывает Наташа, делая шаг к нему. — Думаешь, можешь мне угрожать? Это знаешь ли не я трахаюсь со всеми подряд, не предохраняюсь. Так что нечего мне рот затыкать. Я с тобой по-человечески хотела решить вопрос. Но раз так, то я тоже буду качать права и затыкать тебе рот.

Я только и успеваю переводить взгляд с одного на другого, ошеломлённая тем, что у меня под носом — не ссора, не случайность, а полноценные бразильские страсти. Они вспыхивают, как бензин, словно делают это не впервые. А я... жила в счастливом неведении, уверенная, что муж меня любит.

Но, наверное, лучше пусть розовые очки разобьются сейчас, пока у нас только совместная ипотека, которую Кир собирался закрыть досрочно в этом году. Пока ещё нет ребёнка, которого я так хотела.

Вот я дура. Дети у меня в голове. Будущее, семья. Мы повзрослели вместе, нашли себя рядом друг с другом. Я думала, что ничего крепче нашей связи быть не может. Наивная. Это я ни на кого не смотрела, кроме него. А он... он вокруг себя видел каждую юбку.

Но вместо того чтобы продолжить разговор или объясниться со мной, Кир резко хватается Наташу за руку и тащит её куда-то в сторону, туда, где ещё темнее, дальше от лишних глаз. Рывок грубый, злой, жестокий. Поражаюсь тому, насколько сильно он отличается от того, кого я считала своим мужем. Две разные личности в одном теле.

Кир вывернул руку Наташе так, что она взвизгнула от боли, но это ничуть не смягчило Шувалова.

— Пусти, ты больной? Руку мне ломаешь!

— Не ломаю. Хорош верещать. Слушай сюда...

Он наклоняется к ней так близко, что я не могу разобрать слова. Но тон его — ледяной, жёсткий, опасный. И в этот момент я впервые понимаю: я не знаю этого человека. Совсем.

Компания парней позади становится всё громче, переговариваются, ржут, как кони. Видимо, выпитый алкоголь повышает градус веселья и уровень идиотизма одновременно.

Как я ни стараюсь напрячь слух, но узнать удаётся только то, что Ленка собирается подарить Рыжему свитер, связанный своими руками. Информация просто бесценная, на вес золота

прям. Особенно в момент, когда моя жизнь разваливается на части, свитер, конечно, приоритет номер один.

Смотрю на свои туфли на шпильке, аккуратные, любимые, и поражаюсь тому, что до сих пор не почувствовала холода. Организм, наверное, ушёл в состояние «шок и отрицание». Теперь же пальцы леденеют так, что я их с трудом ощущаю. Капронки безнадежно разорваны, на голени блестит мокрый след, и из маленькой, но глубокой ранки стекает узкая струйка крови. Щиплет, но терпимо. Сменных колготок, разумеется, у меня нет. Ну конечно. Везение уровня бог.

Придётся снять.

Ладно, в такси не замёрзну. А для меня вечеринка всё равно окончена, оставаться дальше значит только портить настроение остальным своим кислым лицом, да и себя насиловать атмосферой, из которой меня уже тошнит.

Возвращаюсь назад, осторожно переставляя ноги, балансируя на грани равновесия. На утопанном снегу шпильки ведут себя как коньки, неудивительно, что я не удержалась. Подошва-то идеально гладкая, вообще не для зимы.

Нахожу Веру, она стоит у стойки, пьёт минералку и смотрит в телефон, как пытаюсь отвлечься от всех этих корпоративных безумств.

— Ну как, нашла Кирилла? Ой! Что с ногой?

— На снегу подскользнулась. Сейчас стяну капронки, промою. Не страшно. Я хотела тебя предупредить, что поеду домой.

— Вы вместе?

— А? Нет...

Вера поднимает бровь так резко, что я почти слышу её внутреннее «что?!».

— Как это — нет? Ты что-то от меня скрываешь?

— Давай завтра поговорим? Сильно голова разболелась. Надо срочно таблетку выпить и в тишине полежать, пока совсем не расклеилась.

— Ладно. Так уж и быть, не буду тебя пытаться.

Она трогает мою руку, сочувственно сжимая, и отпускает. Вера всегда всё чувствует на интуитивном уровне, но не давит, и за это я люблю её ещё сильнее.

Я быстро привожу себя в порядок в ближайшем туалете: промываю рану холодной водой из-под крана, стягиваю порванные капронки, кидаю их в мусор, распускаю волосы, так хоть более живой вид. Забираю верхнюю одежду из гардероба, складываю злополучные каблуки в пакет и направляюсь к выходу. Хочется раствориться в темноте улицы.

Надеюсь, Кир и Наташа уже ушли. Но нет. Конечно нет.

Он стоит у выхода, будто дежурит. Напряжённый, скулы ходят ходуном.

— Так быстро уходишь? — голос мужа звучит низко и как-то опасно. — Я бы не торопился, Диан. Теперь очередь поговорить с тобой.

— Не буду я с тобой говорить. Оставайся со своей Наташей. У вас, вон, ребёнок будет. А от меня ты как от чумы открестился, когда я разговор завела. Всё понятно. Обойдусь без твоих объяснений.

— Хватит истерить. Мы. Поговорим.

То, с каким нажимом Шувалов выговаривает каждое слово, буквально пригвозждает меня к месту. В горле пересыхает, ладони холодеют. С удивлением всматриваюсь в его лицо, в котором сейчас нет ни тени той мягкости, с которой он всегда говорил со мной.

У него что, биполярка? Или я всё это время жила с человеком, которого в упор не знала?

Визуализация

Диана Шувалова, 25 лет

Бухгалтер в рекламном агентстве, с 16 лет встречалась с Кириллом, в 20 вышла за него замуж.

Кирилл Шувалов, 26 лет

Совладелец в автомастерской, с 17 лет встречался с Дианой.

Глава 3 Диана

Дальше Кирилл подхватывает меня под руку и тащит к машине. Пальцы у него холодные, как будто он железяку держал, и от этого захвата хочется вывернуться ещё сильнее. Я сопротивляюсь, упираясь пятками в снег, пытаюсь затормозить, но против такой силы бесполезно бороться. Снег под ногами рыхлый, проваливается, и становится ясно: если перестану передвигать ногами, он просто протащит меня по этому белому месиву, как выцветшую ёлку, слишком тяжёлую, чтобы нести на плече. Машины вокруг редкие, субботний вечер, многие приехали на такси, зная, что будет алкоголь, и всё это делает происходящее ещё более нереальным.

— Нечего меня выставлять истеричкой, Кир. Это у тебя ребёнок на стороне! — голос у меня дрожит, слишком звонко звучит на морозном воздухе.

Он разворачивается ко мне резче, чем я ожидала, и его дыхание клубится между нами.

— Откуда такая информация?

— Я всё слышала, что Наташа тебе говорила.

Он ухмыляется так, что волосы дыбом встают под шапкой.

— А если Наташка скажет, что я ей половину квартиры отписал, тоже поверишь?

Разговаривает со мной тоном, в котором один только ледяной приговор. Такое презрение, что от него слёзы вытекают сами собой, горячими каплями на щеках, тут же охлаждаясь. Никогда он так со мной не говорил, не тот Кирилл, которого я знала. Этот будто другой, затянутый в чёрную оболочку своей ярости. Я просто в шоке, будто смотрю на происходящее со стороны. Мысли клубком, ни одна не цепляется за следующую. Кажется, что он готов любую мою фразу перевернуть с ног на голову и сделать меня виноватой.

Причём тут вообще квартира? Она же общая, это всегда казалось очевидным. Когда брали её, думали, что это будет наше гнездо на долгие годы. Сразу трёшка, «чтобы хватило на всё и сразу», говорил он тогда. Чтобы не переезжать в будущем с беременным животом, коробками, колясками.

И вот сейчас одна из комнат — его кабинет. Я уже тихонько мечтала переоборудовать его в детскую, когда забеременею. Собственно, с этого всё и началось. Я просто рассказала, что смотрела каталоги детской мебели. Какая там стенка, какой ковёр... Детское глупое воодушевление. И вот мы стоим в тёмном углу парковки, как два чужих человека.

Я правда не понимаю, почему он так взъелся. Это же нормально, чтобы у ребёнка была своя комната. Чтобы у нас было пространство для себя. Чтобы жизнь не превращалась в круговерть между кроватью и кухней. Голова у меня гудит, будто кто-то внутри стучит ложками по кастрюлям.

— Почему ты так со мной говоришь? Будто я в чём-то виновата.

— А ты не догадываешься?

— Да хватит говорить загадками, — в отчаянии прошу его. Голос срывается на шёпот.

— Нет, я, конечно, знал, что ты дура. Но что такая...

— Охренел?! — взвизгиваю. — Ты вообще-то со своей женой разговариваешь. Ты кем себя возомнил?

Злость нападает резко, как порыв ветра, горячая, обжигающая изнутри. Это он мне рога наставил, между прочим. Пусть своей прошманд..., я мысленно кусаю язык, чтобы не сорваться вслух, выговаривает таким тоном свои недовольства.

— Ты меня с кем-то путаешь, дорогая жена, — говорит он медленно, низким, будто чужим голосом.

У меня по спине пробегают мурашки, неприятные, как от прикосновения холодного металла. Боже. Я вдруг понимаю: я его сейчас боюсь. Реально боюсь. Его чёрная куртка, тень от капюшона, этот угол парковки без фонарей, всё будто сошлось в одной точке. Что если он...

что-то сделает? Придушит? Пихнёт так, что я упаду головой о лёд? Здесь никто не увидит, он припарковался в самом дальнем углу.

— Ки-и-ир?! — голос мой ломается.

— Двадцать шесть лет Кир. Тебе сейчас не поможет сделать красивые невинные глазки, Ди.

Он смотрит так, будто я ему чужая.

— Ты больной? Напился, что ли? — я пытаюсь взять себя в руки, цепляюсь за рациональное. — Давай тогда такси вызовем. Поспишь, а завтра поговорим.

Это кажется единственным способом вырваться из этого кошмарного вечера. Оба остынем. Может, он завтра придёт, извинится, скажет, что сорвался, что был не в себе. Не знаю. Я цепляюсь за эту мысль.

Но он только жутко смеётся, низко, протяжно, так, будто я сморозила не просто глупость, а какую-то издёвку над здравым смыслом. Этот смех разрывает воздух, как ржавый гвоздь, скребущий по металлу. Кирилл резко открывает дверь и толкает меня внутрь салона. Я падаю на сиденье боком, ударяясь плечом о подлокотник, и воздух из лёгких вылетает рывком.

— Не выйдет съехать с темы, дорогая, — произносит он почти ласково, но голос у него хищный. — Я-то думал, ты у меня ромашка-наивняшка. А оказалось, что ты самая настоящая змея, которая у меня за спиной готовилась всадить нож в спину. Ну? Как тебе живётся с этим? Нормально? Совесть не мучает? Или она у тебя атрофировалась?

Я смотрю на него и понимаю: это не Кир. Не тот, который приносил мне чай, когда я болела, и обнимал сзади, пока я мыла посуду. Этот человек рядом, как маска, съехавшая набок, под которой что-то тёмное и незнакомое. Я будто в каком-то хорроре, где за один вечер реальность перевернулась. И муж не муж, и любовь не любовь, и семья... не семья. А смысла в его словах всё меньше, будто он читает чужие обвинения по подсказкам.

— Я ни в чём перед тобой не виновата. Ни в чём. — Голос мой хрипит, как будто я говорю через плотную ткань. — Что за обвинения?

— Лживая тварь, — бросает он, и у меня внутри всё опадает. — Хорошо. Будь по-твоему. Можешь и дальше притворяться перед остальными, может, кто-то тебе и поверит. Но мой кредит доверия исчерпан. Я тебе не должен ничего, Ди. Ты свободна. Я тебя отпустил. И не смей попадаться мне на глаза.

Он тянется через меня, его рукав скользит по моему животу, резкий запах алкоголя и дорогого одеколона бьёт в нос. Он резко дёргает ручку двери.

— Вон пошла!

— Ч-что?.. — я смотрю на него, не моргая.

— Вали, сказал, — сквозь зубы. — Быстрее.

Меня трясёт мелко, как осиновый лист. Я выталкиваю себя наружу, упираюсь руками в дверь пытаюсь выпрямиться, но в этот момент Кирилл резко газует. Машина дёргается вперёд, и дверь вырывается у меня из рук, гулко хлопая о металл. Я теряю равновесие, падаю на колени, с размаху врезаюсь в ледяную корку свежими ранами.

Боль резкая, пронзительная. Не вставая, я сжимаюсь в клубочек, снег мгновенно забивается в рукава, замерзает на шее. Мир вокруг становится маленьким, сужается до этого сугроба и звона в ушах.

— А-а-а! — вырывается из меня, и крик тонет в снегу, будто его тут же поглощает сама земля.

Мои хорошие,

Не забывайте добавлять книгу в библиотеку и ставить звездочки, так вы порадуете меня и вдохновите на написание новых глав ♥#

Если вы еще не подписаны на мою страничку, тоже рекомендую это сделать, чтобы быть в курсе новинок :)

Ваша Софа

Глава 4 Диана

Я застыла, словно превратилась в ледяную статую. Сил подняться нет. Холод пробрался в меня так глубоко, будто собирался поселиться там навсегда, и всё равно собрать себя в кучу не получается. В голове глухо стучит одна мысль: «Это что, конец?» Конец нам. Конец тому, во что я верила девять лет.

Не будет никакого «долго и счастливо». То, как Кир обошёлся со мной, вообще не укладывается в голове. Как будто я не жена, не человек, а просто бесхозная дворняга, которую вышвырнули из багажника на обочину. Он толкнул меня в снег. Даже не оглянулся.

Ехать домой за ним я просто не могу. Дверь в квартиру, где ещё утром пахло кофе и корицей, теперь кажется входом в камеру пыток. Смотреть на него? Да я задохнусь от слёз, даже не успев открыть рот.

Куда идти? Родителей будить в такое время — только лишний раз волновать.

Я медленно переворачиваюсь, неуклюже оседаю на попу, подтягиваю ноги к груди. Холод пробирает так резко, что зубы начинают биться друг о друга.

Снег подо мной уже подтаял и намочил одежду, я чувствую, как ткань прилипает к телу. Из зала доносятся голоса, кто-то смеётся, кто-то выходит подышать свежим воздухом. Меня отсюда всё равно не видно. Хотела бы я, чтобы меня нашли? Даже на этот вопрос ответа нет. У меня внутри всё разрушено, как после взрыва: нет ни одной стены, чтобы на неё опереться.

Не знаю, сколько времени прошло, минута, пять, двадцать, когда к соседней машине подходит кто-то. Тяжёлые шаги, запах табачного дыма, хлопок двери. И вдруг меня резко поднимают за локоть.

— Ты чего тут расселась? Пьяная что ли?

— Нет... — едва выдавливаю.

— Тогда какого чёрта? Решила тут замёрзнуть?

— Просто... оставьте меня здесь.

— Ага, и взять грех на душу? Пошли.

Меня мягко тянут к зданию, и только сейчас я понимаю, что не чувствую ног. Они подгибаются, будто не мои, и я снова валюсь вниз, но меня не дают упасть. Человек ругается себе под нос, подхватывает меня на руки так, будто я вообще ничего не вешу, и несёт.

Я поднимаю взгляд. Суровое лицо, нос покраснел от мороза, брови сведены. Не знаю такого. Не из наших сотрудников. Может, чей-то парень? Или просто соседний корпоратив, здесь этажи сдаются разным компаниям, декабрь же, пик корпоративного безумия.

На крыльце кто-то ахает, кто-то спрашивает, что случилось. Дверь хлопает, и сразу слышу родной голос Веры:

— Диан? Ты не уехала, что ли?

— Я девушку нашёл на парковке. На снегу, — говорит мой спаситель, ставя меня на ноги у стены.

— Спасибо вам... эээ...

— Ренат.

— Ренат, спасибо, что не бросили её. Давайте в подсобку, а дальше я сама.

— Помощь нужна?

— Нет, вы и так очень помогли.

Он протягивает Вере визитку, та быстро кивает и убирает её в сумку. Ренат уходит, с видимым облегчением, будто только что снял с плеч мешок цемента.

Вера суетится вокруг меня, накидывает чьё-то тяжёлое пальто, натягивает на ноги тёплые угли, и я почти растворяюсь в этом заботливом коконе. В рот попадает жуткая мерзость, обжигающая, горькая.

— Что за гадость? — морщусь.

— Водка. Согреешься сейчас. Тебя колотит, как зайца на морозе.

И правда. Через несколько минут меня начинает покалывать буквально везде: руки, ноги, щёки, будто под кожей просыпаются иголки. Я только мычу в ответ, потому что голова ватная, а тело постепенно оттаивает от той ледяной пустоты, в которую меня швырнул собственный муж.

— Полегчало? Давай теперь рассказывай, что у тебя произошло? Как ты в снегу-то оказалась?

— Кир меня выкинул из машины. Был жутко злой, говорил какую-то чушь. Вер, может, он просто сильно пьян? Хотя мне так не показалось.

— Это на него не похоже. А что он конкретно сказал?

— Что я дура, змея и лживая тварь. Вер, но я ведь ничего такого... Я его люблю-ю-ю...

Начинаю рыдать, потому что накрывает, когда вспоминаю все обидные слова, что были сказаны. В груди расплзается отравой жуткая обида, а в животе всё сжимается в тугий ком, как будто там поселился маленький ёж и царапает изнутри. Я всё снова и снова слышу его голос, резкий, хлёсткий, чужой. Перед глазами вспыхивает, как он смотрел на меня, будто сквозь. Будто я не человек, а помеха на дороге. Он обошёлся со мной так несправедливо, и я даже не понимаю, за что?

— Тих, тихо, Диан, давай успокаиваться. Слезами горю не поможешь. В чём конкретно он тебя обвинил?

Вера так сочувственно смотрит, что это только сильнее заставляет слёзы литься из глаз. Она осторожно гладит меня по плечу, будто боится прикоснуться слишком резко.

— В том и дело, что ни в чём. Просто обзывал последними словами, — всхлипываю, чувствуя, как подбородок снова начинает дрожать.

— Давай так. Едем ко мне. Переночуешь, а с утра съездишь к нему и поговорите. Остынете оба. Будет больше конструктива, чем если ты заявишься с претензиями сейчас, в слезах и соплях.

— Ты же знаешь, как сильно я тебя люблю, Верунь? Что бы я без тебя делала.

Она обнимает меня так крепко, как будто пытается собрать меня по частям, чтобы я снова стала цельной.

— Для этого и есть подруги.

Попрощавшись со всеми, мы едем на такси к ней. Машина мягко покачивается на кочках, фары выхватывают из темноты сугробы и редкие припаркованные машины. Я прижимаюсь лбом к холодному стеклу, чувствую, как от него немного светлеет в голове, но мысли всё равно скачут, как испуганные птицы.

Уже у Веры на кухне мне становится немного спокойнее. То ли первые эмоции схлынули, то ли её чай с ромашкой помог. А может, всё вместе. Но тем не менее, уснуть мне ещё долго не удаётся. Лежу под её пледом, смотрю в потолок, слушаю, как в соседней комнате она возится с зарядками и косметичками.

Столько догадок, что могло случиться, крутится, мама дорогая. Одна другой страшнее. То, что Кирилл по пьяни словил белочку — самое безобидное. Оно же и самое невероятное, потому что я не помню ни разу, чтобы он много пил. Всегда знает свою меру и никогда не переходит за неё.

Сказать, что я с утра выгляжу паршиво, ничего не сказать. Лицо опухшее от слёз, будто я сунула его в улей. Кошмар. В зеркале отражается какое-то несчастное существо с красными глазами. Ни Верины патчи, ни кубики льда не убирают последствия на сто процентов.

— Сиди смирно, — заявляет она, когда я теряю последнюю надежду выглядеть достойно. — Сейчас наколдую тебе новое лицо.

И она не обманула, всего спустя минут сорок из зеркала на меня смотрит уже посвежевшая Диана, пусть немного замумифицированная косметикой, но вполне уверенная, что способна дойти до двери любимого мужчины и потребовать объяснений. Натягиваю на себя вчерашнее платье, выданные подругой капронки. Ткань слегка холодит кожу, но это даже помогает собраться.

Настраиваю себя на боевой лад, обещая не дать себя в обиду. В конце концов, это Шувалов вёл себя некрасиво, не я. Так что я в своём праве — требовать объяснений. Эта мысль крепнет во мне, как костёр, который Вера подожгла своим решительным тоном.

Поднимаясь на свой этаж, сжимаю ключи в руке. Ладонь влажная, ключи звенят. Решаю не звонить, открыть дверь сама. Хочу увидеть его лицо первой, растерянным, виноватым, хоть каким-то, лишь бы живым и настоящим.

Дрожащей рукой вставляю ключ, поворачиваю его налево, но он не двигается. Замок будто заупрямился. Дёргаю его, пытаюсь достать, но он стоит намертво. Я аж вспотела, пока пыталась его раскатать и сделать хоть что-то. Лёгкая паника пробегает по спине холодными мурашками.

Что за чёрт?

Глава 5 Диана

Коридор пахнет пылью и чьим-то вчерашним борщом, который явно сбежал на плиту. Я трясущимися пальцами снова касаюсь холодного металла, будто он может вдруг проявить жалость и выплюнуть мой ключ обратно. Но нет — торчит нагло, неподвижно, как будто издевается.

Стараюсь рассмотреть замок внимательнее: пластина блестит новизной, металлическая, гладкая, с аккуратным вензелем. Чужая. Совсем не наша. В груди поднимается мерзкое, вязкое чувство.

Искра понимания вспыхивает: Кир поменял замки. За одну ночь. Отрезал меня от собственной жизни, как ненужный хвост.

Меня кидает то в жар, то в холод. Вроде бы только что злобно фыркнула, а теперь снова хочется подползти к стене и сдохнуть от унижения. Значит, вещи я тоже не заберу... И объяснений не будет. Он буквально захлопнул дверь передо мной — физически.

Хмыкаю себе под нос, пытаюсь хоть как-то восстановить достоинство:

«Ладно. Посмотрим, как он позже ключом ковырять будет. Пусть тоже попрыгает».

Пусть мелочно, но хоть что-то греет.

Покачиваю ключ, который будто прирос к замку. Металл холодит ладонь так сильно, что пальцы немеют. И тут, топот шагов по лестнице. Уверенных, чуть шаркающих.

— Ой, Дианочка, — соседка всплывает на пролёте снизу, в пуховике цвета выцветшей свёклы. — Хорошо-то как, что ты тут! Поможешь пакет затащить? Сил моих больше нет.

— Конечно, — беру пакет. Он тяжёлый, будто в нём кирпичи, а не продукты. Доношу до её двери, чувствуя, как под платьем по спине ползёт холодок.

— А ты чего тут в коридоре стоишь-то? — выпытывает она, щурясь.

— Да ключ... застрял в замке. Не пойму, что случилось.

— Так понятно, что, — она машет рукой, будто отгоняет муху. — Я ночью вставала попить, слышу — шорохи у вас. Думаю: воры? Пошла посмотреть. А там Кирилл твой замок меняет! Я глазам своим не поверила. Кто ж по ночам-то этим занимается? Ну, думаю, не моё дело. А вы что, поссорились или как?

Вот она, фраза, ради которой она и дышит сейчас в мою сторону. Пожилая охотница за драмами. Уже вижу, как она в подробностях пересказывает всё подружкам на лавочке, с паузами, вздохами и театральными жестами.

Я делаю вдох, чтобы не сорваться:

— Или как, Антонина Павловна. Спасибо большое, что сказали. Дальше я сама разберусь.

— Если домой не попадёшь, — не сдаётся она, переступая с ноги на ногу от желания услышать ещё хоть что-нибудь, — заходи ко мне. На чай. Приючу.

— Спасибо, — улыбаюсь вежливо, но глазами уже показываю ей на дверь. — Вы очень добрая. Но всё нормально.

Она ещё секунду стоит, надеясь, что я вдруг продолжу исповедоваться. Но, поняв, что шоу окончилось, наконец скрывается за дверью.

Достаю телефон и задумчиво кручу его в руках. Позвонить Кириллу? Говорить с человеком, который вчера выбросил меня на снег, как ненужную вещь? Или уйти... тихо, по-кошачьи, оставив его в своей же ловушке?

Но у двери раздаётся лёгкий шорох. Слышу, как поворачивается что-то внутри механизма, потом ручка дёргается вниз. Конечно же впустую. И дальше, почти сразу, раздаётся его знакомый, низкий, раздражённый голос:

— Ди, я вижу, что ты там стоишь. Ты специально меня тут заперла?

Он говорит так уверенно, будто читает мои мысли.

— Делать мне больше нечего. Ты сам себя запер.

— Каким это образом?

— А вот таким, — у меня дрожит голос. — Нечего было втихаря замки менять! Даже если ты по какой-то... неведомой причине решил закончить наши отношения, это можно было сделать человечески. А не как...

— Как кто? — в его голосе слишком много льда. — Интересно послушать.

— Не только тебе, — огрызаюсь. — Антонина Петровна, я уверена, уже делает пометки, чтобы донести до всех всё слово в слово.

В ответ слышу злое, глухое:

— Да чтоб тебя...

И следом грохот. Он пинает дверь. Звук такой, что я инстинктивно отхожу на шаг назад.

— Всё, хватит, наказала меня, — рывкает он. — Открывай уже.

— Не могу.

— Издеваешься?

— Ключ застрял. Вынуть не получается.

Секунда тишины. Он явно стискивает зубы.

— Тогда стой там. Я вызву мастера. Откроет дверь, и поговорим.

— А если он не скоро будет? Я тут часами что ли ждать должна?

В подъезде тянет сыростью и декабрьским сквозняком. Я в платье, колготках и лёгком пальто, которое годится только для пробежки от дома до машины. Ноги леденеют, плечи сводит, и обида тоже перемешивается с этим холодом, превращаясь в липкий комок под рёбрами.

С другой стороны двери раздаётся грубый выдох:

— Не уходи. Я сказал — разберёмся.

Словно приказ. Словно я обязана.

Я остаюсь стоять у двери, прижимаясь лопатками к ледяной стене подъезда. Хочется втянуть голову в плечи. Проходит минут десять, потом двадцать. Я начинаю топтаться, движение хоть немного разгоняет кровь. Но пальцы всё равно деревенеют, и я их периодически прячу в рукава, как ребёнок.

Телефон вибрирует. Вера.

«Ну что? Вы поговорили?»

Пальцы так мёрзнут, что я едва попадаю по клавишам.

«Нет. Стою в подъезде. Жду мастера. Ключ застрял.»

Чуть позже приходит ответ:

«Он там совсем башкой поехал? Ты ок?»

«Пока да,» — вру. Потому что я уже почти не чувствую ног и готова рыдать от злости, холода и собственного бессилия.

Кир за дверью молчит, иногда только слышно, как он ходит взад-вперёд и что-то ворчит себе под нос.

Проходит почти час. Ровно настолько долго, чтобы я сняла каблуки, встала босыми ногами на ледяную плитку и начала серьёзно задумываться о том, чтобы сползти по стене на пол.

И тут наконец хлопает входная дверь подъезда. По ступенькам стучат быстрые шаги, и появляется мастер, небритый мужик в тёмной куртке, с сумкой инструментов.

— Где застряло? — спрашивает он у меня, даже не удивляясь ситуации.

— Тут, — показываю на наш злосчастный замок.

Он что-то цыкает, осматривает, шупает, бормочет под нос. Затем достаёт тонкий инструмент, ковыряет, покручивает, снова ковыряет. Долго. Я уже слышу, как Кир изнутри раздражённо дышит.

Минут через десять мастер наконец выдёргивает ключ торжествующе.

— Всё, готово. Повезло вам, замок целёхонек. Обычно после таких фокусов менять приходится.

«Повезло», ага. Кириллу. Я бы не сильно расстроилась, если б ему пришлось раскошиться на новый.

Дверь распахивается. Он стоит в проёме хмурый, взъерошенный, в спортивных штанах и футболке. Кир расплывается с мастером, коротко кивнув. Потом бросает мне взгляд:

— Заходи.

Я прохожу внутрь, и тепло квартиры обжигает кожу. Со злости и холода меня начинает трясти сильнее, чем на улице.

— Ты, конечно... Охренел.

Он закрывает дверь, разворачивается ко мне:

— В смысле?

— В смысле то, что ты что-то перепутал! Это мой дом тоже. Не только твой! Ты с ума сошёл менять замки за моей спиной?

— Ненадолго, — бросает он сухо.

— С чего это? — сжимаю руки в кулаки.

Кир смотрит спокойно, будто уже успел всё решить.

— Потому что я с тобой развожусь.

Да. Он говорит это так буднично, как будто объявляет о доставке пиццы.

— Ты по-человечески вообще говорить умеешь? — спрашиваю, чувствуя, как щеки краснеют. — Я от тебя слышу одни приказы и оскорбления со вчерашнего вечера. Со вчерашнего! Как насчёт того, чтобы по-взрослому, нормальными словами сказать, что тебя не устраивает? Какие претензии? За что?

Он сдвигает челюсть, проведя языком по зубам, — признак того, что злится. Но не отвечает. Секунду. Две. Три.

Я ощущаю, как во мне поднимается новая волна ярости.

— Говори, Кир, — выдыхаю. — Я стояла в чёртовом подъезде час. Мёрзла. Сидела на снегу ночью из-за твоих придуманных обвинений. Так что сейчас твоя очередь. Объясняй. Или это ты умеешь только кричать и хлопать дверями?

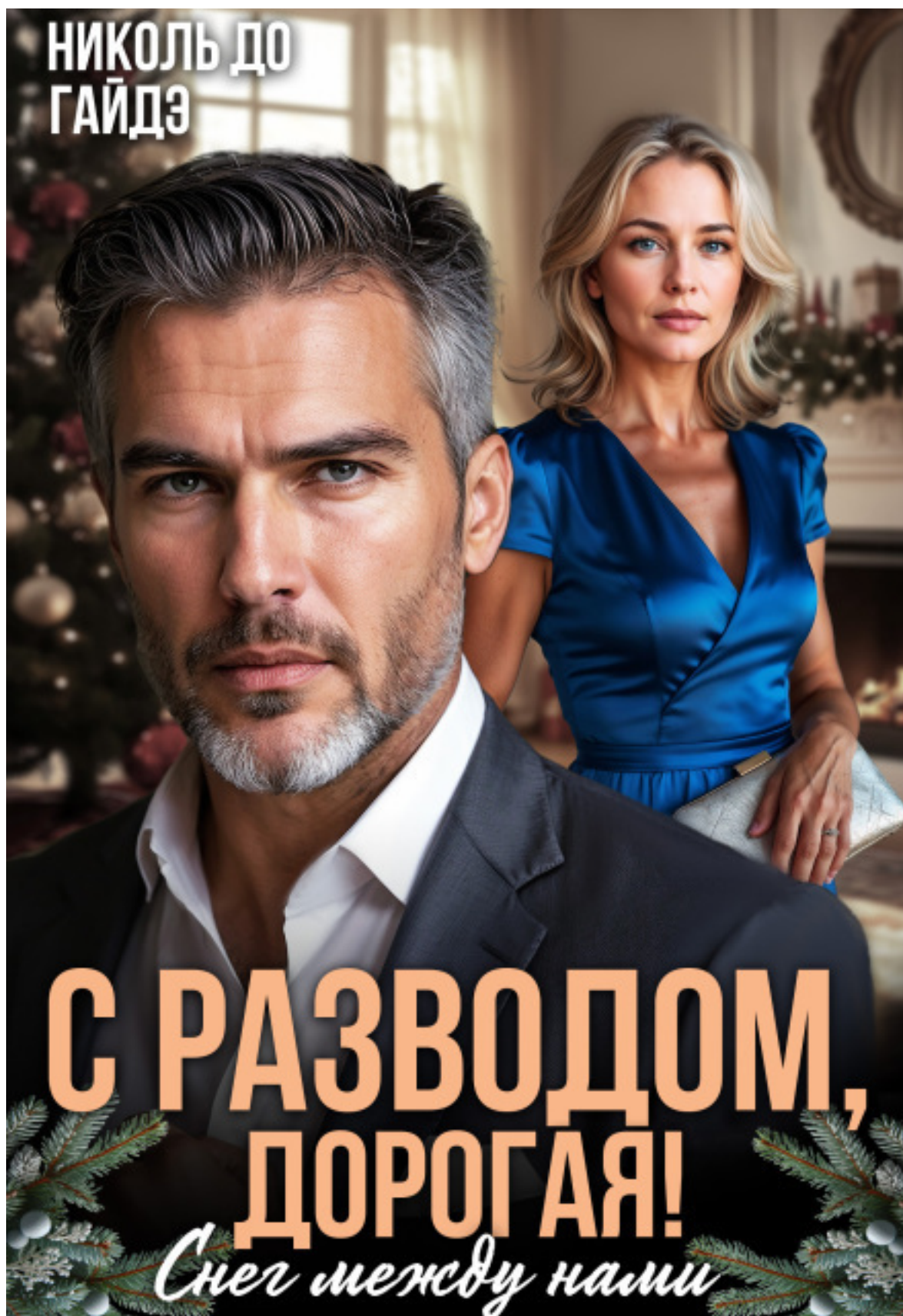
Он наконец поднимает на меня глаза.

Дорогие читательницы,

Хочу познакомить вас с новинкой литмоба "(Не) развод под новый год"

Николь До, Гайдэ "С разводом, дорогая! Снег между нами"

<https://litnet.com/shrt/yEJI>

Глава 6 Диана

Во взгляде мужа ни капли тепла. Как будто кто-то выключил в нём весь свет, оставив пустую оболочку, знакомую снаружи, но абсолютно чужую внутри. Неужели так бывает, что человек, который вчера обнимал тебя за талию, сегодня смотрит так, словно рассматривает подозрительный предмет?

Я не чувствовала между нами никакого холода ещё вчера. Я бы заметила. Я всегда замечала малейший оттенок его настроений. Неужели Кир умел притворяться лучше, чем я могла себе представить?

Когда он поднимает руку, просто чтобы убрать челку со лба, я автоматически отшатываюсь. Рефлекторно. Меня бросает в жар.

— Ди, ты чего шарахаешься от меня? — он действительно удивлён, будто не понимает, почему я теперь дергаюсь от каждого его движения.

— А ты думал, я кошечкой ластиться буду? — отвечаю резко, и голос мой дрожит не только от злости.

— Ничего я не думал. Сбила с мысли, — говорит он, как будто моя реакция — просто лишний шум на фоне его важной внутренней уверенности.

Он проходит к кофемашине, нажимает кнопку. Машина гудит, шипит и выпускает аромат горячего кофе, который странно контрастирует с напряжением в комнате. Привычный утренний ритуал в совершенно непривычной реальности.

— Кофе? — бросает он.

— Нет.

Кир невозмутимо достаёт свою кружку, наливает кофе и ставит на стол. Пар клубится над чашкой, а его лицо остаётся каменным.

— Я узнал о тебе много всего неприятного, Ди, — говорит он спокойно, но под этим спокойствием я вижу боль.

Мне становится холоднее. Я боюсь представить, что за «неприятное».

Медленно опускаюсь на стул, сцепляю руки на коленях, чтобы не начать теребить край платья. Пальцы подрагивают.

— Оказывается, моя жена не только изменяла мне с конкурентом, но и сливала информацию обо мне.

Мир на секунду тускнеет. Мои мысли разбегаются. Я даже не сразу понимаю смысл слов, настолько они дикие.

Изменяла? Сливала?

Откуда он это взял? Кто ему сказал? Кто мог... доказательства? Какие? Если мне в голову не приходило смотреть на кого-то другого. Я же, чёрт возьми, как дикая кошка в него была влюблена со школы. Он был моим первым и единственным. Я даже сейчас, когда он сошёл с ума, не могу представить рядом с собой чужого мужчину.

— Забавно слышать от тебя о моих изменах, — горько усмехаюсь. — Наверное, неприятно такое думать о жене?

— Я видел это своими глазами, — холодно бросает он. — Неужели ты думаешь, что я поверил бы просто словам?

Меня пробирает дрожь. Теперь не от страха, а от растущего непонимания.

— Я хочу посмотреть своими глазами, — говорю тихо, но твёрдо. — Не откажешь мне в такой просьбе?

Внутри ещё теплится глупая надежда: он скажет, что это всё проверка, дурацкая шутка, что он хотел увидеть мою реакцию. Это чудовищно, да, но я бы предпочла худшую глупость, лишь бы не то, что он действительно верит в эту бредовую ложь.

Но вместо этого он усмехается криво, презрительно, словно заранее празднует моё поражение. Лезет в телефон, открывает что-то и протягивает мне экран.

Это оказывается видео. Я нажимаю «play».

Статичная картинка оживает. По кухне разносятся звуки звонких шлепков тел.

В кадре — девушка. Её очертания... мои. Мои волосы. Моя домашняя футболка. Мои родинки. А сверху нависает Мазов Антон.

Сердце как будто проваливается под лёд.

Мазов, блин, Антон. Тот, с кем у Кира война с момента открытия сервиса. Тот, кого он ненавидит на уровне инстинктов. Их конкуренция — не про скидки и клиентов. Это настоящая неприязнь, почти животная.

И на экране — я. С ним. В его мастерской. В какой-то грязной ситуации, которую я даже не могу описать без того, чтобы меня не вывернуло.

Только это не я. Ни движением, ни эмоцией, ни телом.

Но Кир... Кир всё это уже видел. И поверил. Не мне — этому.

— Это не я.

Голос дрожит, но я вынуждаю себя удерживать его ровным.

Кир издаёт короткий смешок, сухой, слишком уверенный в собственной правоте.

— Ди, давай без этих дурацких оправданий. Я не слепой.

Я пытаюсь вдохнуть глубже, но грудь будто перетянули ремнём.

— Откуда у тебя это? — указываю взглядом на телефон, лежащий на столе как улика против меня.

Кир кладёт ладони на стол, пальцы стучат по дереву нервно, резковато.

— Флешка с этой записью пришла в автосервис на моё имя.

— И ты сразу же поверил, да? — спрашиваю тихо, на выдохе. — Даже не спросив, не попытавшись выяснить.

— Да что тут выяснять? — он бросает взгляд, острый, как бритва. И я почти физически чувствую, как он режет мою веру в нас.

— Если бы ты мне доверял, этого вопроса бы не было.

— Хватит. — Он резко поднимает руку, прерывая меня. — Хватит прикрываться доверием, общими фразами, хлопать невинными глазками. Диана, это больше не работает.

Он отодвигает стул громко. Садится напротив, опирается локтями о стол. Мы смотрим друг на друга, как противники перед схваткой. Я удерживаю взгляд, хотя глаза предательски щиплет.

Я вижу в нём раздражение, злость, ослиную упрямость.

— Надо же, не стесняешься даже. — Его голос опускается ниже, грубеет. — Ну, тем проще. Раз у тебя совести нет, мне и подавно стоит запихнуть свою подальше.

— Легко рассуждать о том, чего у тебя нет.

Я жалею просто чтобы остаться на плаву, чтобы он не топтал меня дальше. Чтобы не дать ему окончательно решить, какая я, без моей попытки хотя бы оправдаться.

Он не слышит. Не хочет. И в этом есть что-то до ужаса страшное, потому что если человек не хочет услышать, любые доказательства будут отброшены в сторону.

И вдруг он наклоняется ближе, подаётся вперёд так резко, будто ему не хватает терпения выдерживать расстояние.

— Ди, просто закрой свой красивый ротик и послушай меня.

Я чувствую, как поднимается волна обиды, боли, злости.

— Кир, не делай этого с нами.

Дорогие читательницы,

Хочу познакомить вас с новинкой литмоба "(Не) развод под новый год"
Марта Левина "Развод в 45. Когда тает лед"

<https://litnet.com/shrt/UBnq>

Глава 7 Кирилл

Диана смотрит на меня своим невинным взглядом, будто её глаза — две прозрачные линзы, через которые видно всё: страх, обиду, растерянность. Они широко раскрыты, в них блестят слёзы, и от этого внутри у меня будто что-то больно дёргается. Но не то, что должен чувствовать к нормальной семье. Губы приоткрыты... и всё, о чём я могу думать, — как бы вогнать ей по самое не балуйся, как бы наказать за то, что посмела мне изменить. Эта ярость сидит глубоко, как воспалившаяся заноза.

Сжимаю руки на столе, пальцы впиваются в дерево, лишь бы не тронуть её. Если сейчас прикоснусь — не факт, что смогу остановиться. А мне нельзя. Её это только напугает, а меня... мне может окончательно сорвать крышу.

И, чёрт возьми, хорошо, что она пришла только сейчас, а не ночью. Вчера я был не в себе. Меня трясло так, что, кажется, стены могли отозваться вибрацией. Никакого разговора бы не получилось — только крики, ненужные жесты, возможно, разбитая посуда... или что похуже. Ей лучше никогда не видеть меня в том состоянии.

Я голыми руками разорвал подушку в клочья. Буквально. Перья летели по комнате, оседали на полу, на мне, на мебели, словно снег в каком-то сумасшедшем спектакле. Если бы кто-то увидел меня тогда, решил бы, что пора вызывать санитаров.

Теперь глажу стол ладонями, будто охлаждаю их.

Понятия не имею, почему я посмотрел запись только вчера. Флешка всю неделю лежала у меня на столе, почти под рукой. То папки клиентские разберу, то отчёт подпишу, то в разъездах, и каждый раз взгляд цеплялся за неё, но я оставлял на потом.

Да и правда, прошлый век какой-то. Сто лет флешек не держал. Наверное, с подросткового возраста, когда носил на ней музыку и фотографии. Поэтому и не отнёсся сразу серьёзно. Никакой инструкции, подписи, ничего — просто безликий кусок пластика. Не выглядело как что-то срочное или важное.

Почему я открыл скачанный на телефон файл именно на вечеринке — не знаю. Наверное, потому что впервые за день выдалась свободная минута, а в голове мелькнуло: «Пора бы уже посмотреть, что там», — и всё.

Ещё Наташа со своими бреднями навязалась как раз перед этим. Про «якобы моего ребёнка». Так уверенно, так настойчиво, что я минуту даже пытался понять, шутка это или новая волна её фантазий. Она одинокая женщина, я понимаю: хочет выбиться в люди, найти себе место потеплее, чем батрачить в круглосуточном режиме на дядю. Вот только цель выбрала совсем не ту.

Я глубоко женат на Диане. До этого встречался с ней столько лет, что в моей голове есть только она.

Я ей не изменял. Без вариантов. Только эта мысль и держит меня на плаву.

И что делать с Ивановой, я пока не понимаю. Может, психиатра ей найти? У неё что, галлюцинации? Бред? С чего она взяла, что у нас что-то было?

Может, сама себя убедила. Может, кто-то ей подкинул идею. Но одно ясно: помощь ей точно нужна.

Отмечаю про себя, что придётся подыскать ей неплохого врача, толкового, аккуратного. Человека, который умеет вытаскивать людей из собственных заблуждений. И чем раньше, тем лучше.

А вот что делать в глобальном плане с Ди, с моей девочкой, которая решила растоптать меня, никак не решу.

Мы вроде как две фигуры на доске, но она внезапно пошла ходом, который перечеркнул всю партию. И я до сих пор не понимаю, она делала это намеренно или просто влюбилась?

— Ди, ты своими руками похерила нашу семью, и теперь просишь меня о чём-то?

Слезинка течёт по её щеке, по той самой щеке, которую я когда-то целовал осторожно. Теперь мне впервые всё равно. Пусто. Раньше я бы уже был рядом, прижимал, успокаивал, отвлекал глупыми шутками, таскал чай, лишь бы не плакала.

А сейчас... сейчас я просто сижу и наблюдаю. Она говорит слова, а я слышу только гул, он тонет под тяжестью «неопровержимого доказательства». Я ведь не идиот, чтобы поверить ей. Не после того, что видел.

И вообще... это же не уникальная история. Сколько раз я слышал о «верных» женщинах, которые внезапно решали урвать свой призовой кусок, побогаче, повыше, поближе к власти. Теряли осторожность, попадались и потом плакали, что «всё не так было». Не ожидал, что моя Ди окажется такой же.

— У кого ещё просить? — выдыхает она тихо.

— Понятия не имею, — пожимаю плечами. — С чего ты решила, что можешь меня переубедить.

— Давай хотя бы выясним, кто тебе это прислал? Флешка не возникла из воздуха. Её кто-то должен был принести. Курьер или почта, не знаю...

— И что дальше? — смотрю прямо ей в глаза. — Ди, ты же была там, с Мазовым. Тебе виднее, кто мог вас снять.

— Вот как... — в её голосе что-то ломается. — Знаешь, Кир, я думала, что ты мне доверишь. Но теперь вижу, что нам не о чем говорить.

В этих словах разочарование такое явное. На секунду я правда чувствую, будто на моей груди висит табличка «последний мудак на Земле». На секунду. Пока перед глазами снова не всплывают кадры — её тело, его руки, хриплые стоны. И вся жалость слетает, как краска с дешёвой вывески.

Твоя маленькая, беззащитная девочка, Кир, оказалась расчётливей самых прожжённых блудей. Такое нельзя молча проглотить. Иначе она подумает, что тебя можно и дальше окунать лицом в грязь, и ты промолчишь.

— Я тоже был о тебе лучшего мнения, Ди. Поэтому буду рад, если ты заберёшь свои шмотки и съедешь сейчас же.

Я даже заранее сжимаю кулаки, ожидаю вспышки, наезда, крика, может, даже по морде зарядит. У неё иногда характер проскакивает. Но Ди просто встаёт. Молча. И идёт.

Шагает в сторону спальни с королевским достоинством. Достает свой брендовый чемодан, который я импульсивно купил ей в Италии, когда она восторженно запищала, только увидев его на витрине.

Я до сих пор помню, с каким энтузиазмом продавец расхваливал его, особенно модный цвет, тиффани. По мне простой бирюзовый. Но где я, а где бренды. Шувалов Кирилл, пацан из простой семьи, мне бы различить голубой и индиго.

Она кидает вещи с полок наугад, не пытаясь аккуратно сложить, не заботясь, мнутя ли они. Щёлк, молния на чемодане закрывается. И Ди проходит мимо, не глядя на меня. Даже не дрогнула.

Уже из прихожей бросает:

— Я ещё заеду за остальным, когда обустроюсь.

И у меня в голове сразу вспыхивает вопрос:

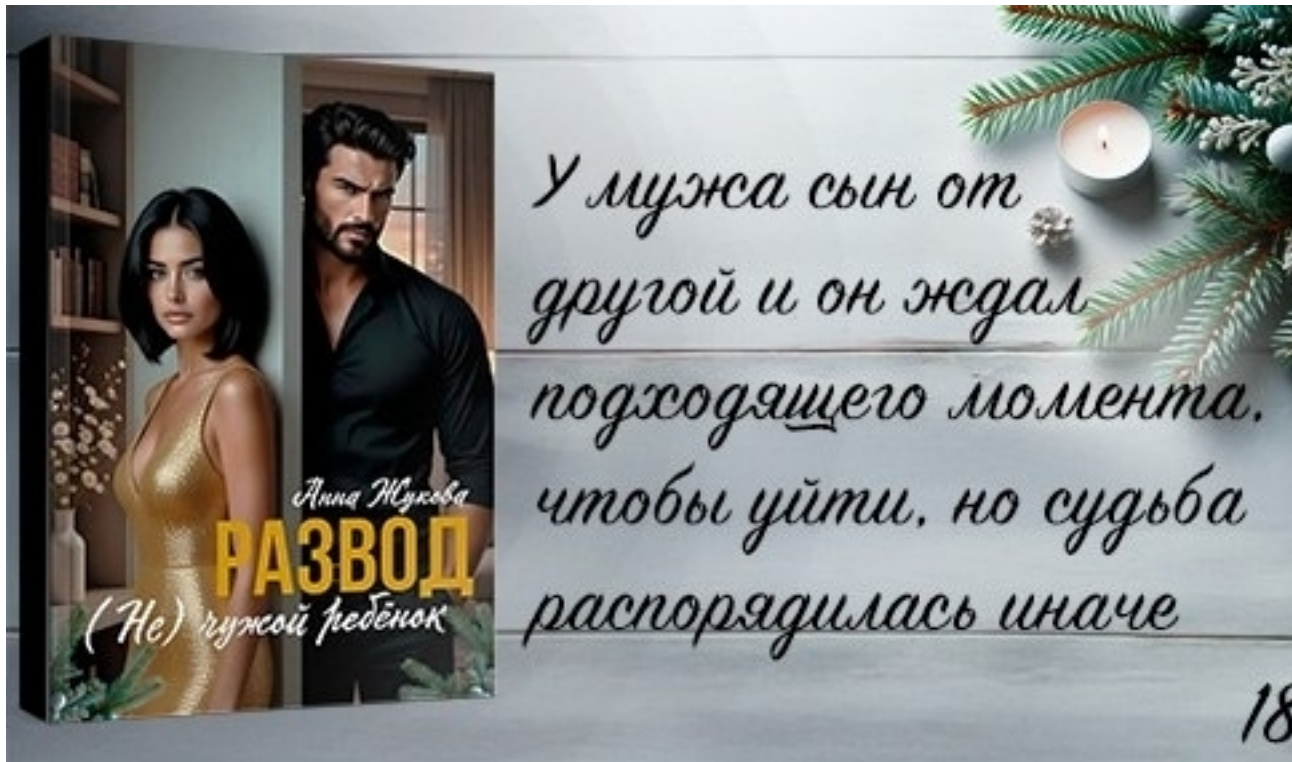
Где она собралась устраиваться? Уж не к Мазову ли я толкнул её своими руками?

Дорогие читательницы,

Хочу познакомить вас с новинкой литмоба "(Не) развод под новый год"

Анна Жукова "Развод. (Не) чужой ребенок"

<https://litnet.com/shrt/GAIh>

Глава 8 Диана

Сбегаю скорее из нашего дома, даже не устроив скандал. Сил на то, чтобы качать права, просто нет. В горле сухо, будто я проглотила горсть песка, а внутри — чувство, что меня вывернули наизнанку. Меня сильно ранило то, что Кирилл даже не попытался выяснить, как флешка оказалась у него, да и в целом не задался вопросом, могла ли я изменить. Он просто принял удобную для него версию, будто ждал момента, чтобы ткнуть меня носом в чужой грех, приписав его мне.

Откуда такое тотальное недоверие вдруг взялось? Не значит ли это, что у него самого рыльце в пушку? Хотя... о чём я? Беременная Наташа говорит сама за себя. По сути, у Кира ситуация ничуть не лучше моей. Его слово против доказательств, которые я видела собственными глазами.

Только почему-то я была готова его выслушать, а он — меня нет. Кажется, мы оба предали друг друга, но он как-то легче пережил моё якобы предательство, чем я его реальное.

Дороги на улице присыпаны свежим снегом, который дворники и техника просто не успели убрать. Белая пелена слепит глаза, фонари отражаются в ней тусклыми золотистыми кольцами. Колёсики на моём чемодане маленькие, еле справляются, постоянно норовя намотать на себя снег и перестать крутиться совсем. Я то и дело подталкиваю его ногой, злая и уставшая. Чертыхаясь, иду на остановку. Раз уж я теперь без пяти минут разведённая женщина, мне стоит быть экономной. Автобус так автобус.

Если изначально я устраивалась работать бухгалтером для того, чтобы нам было на что жить, уже очень скоро это превратилось в работу, чтобы оплачивать свои хотелки, а затем и вовсе в хобби, чтобы не превращаться в придаток к Кириллу. В офисе меня уважали, звали на обеды, я чувствовала себя нужной. И сейчас я как никогда благодарна себе самой, что не стала запирается в четырёх стенах, превращаясь в домохозяйку, хоть Кирилл и намекал на такую возможность.

Куда бы я тогда пошла, не имея ни гроша за душой? Моя зарплата не очень большая, зато стабильная, и я смогу позволить себе снять квартиру и не считать каждую копейку. И жить так, как хочу, без оглядки на чьи-то требования и вспышки ревности.

Кстати, о птичках. Уйти-то я ушла, а вот куда я вообще собралась ехать? Стою на остановке, ветер задувает за воротник, и вдруг понимаю: плана у меня нет. Вообще. Мои родители только позлорадствуют, если узнают, что я развожусь. Ещё и припечатать могут своим извечным «мы говорили, что этот прохиндей просто нашёл себе удобную грелку в постели».

Не знаю, почему они так невзлюбили Шувалова, но тот отвечал им абсолютной взаимностью. Вечные пикировки за столом, напряжённые взгляды, едкие комментарии с двух сторон, всё это всплывает в памяти, и мне становится душно.

Я была просто счастлива съехать от них сразу, как только Кир предложил жить вместе. Всё-таки выпивающие родители, пусть и не скатившиеся до полного отупения от алкоголизма, — не самый лучший пример перед глазами. Их вечный запах перегара по утрам, громкие склоки по пустякам, пустые обещания «больше ни капли»... Нет, возвращаться туда — значит катиться назад, в ту жизнь, от которой я ушла, как только смогла.

Так что теперь — только вперёд. Даже если я пока не знаю, что меня ждёт.

Будто чувствуя, что я нахожусь на распутье, звонит Вера. Телефон вибрирует в кармане так настойчиво, будто она заранее знает: если не дозвонится сейчас, то потом я просто выключу звук и уйду в свою нору.

— Ну как там? — спрашивает она вместо приветствия. Голос спокойный, но я ощущаю, как внутри него прячется беспокойство.

— Я забрала часть вещей и ушла.

— То есть не Шувалов съехал?

— Нет.

— Ты что ли сама ему квартиру оставила, святая простота?

— Да я как-то... — я вздыхаю, оглядывая остановку, — мне просто хотелось поскорее оттуда уйти.

— Диана, мать, он так тебя без трусов оставит, а ты и рада будешь ему всё отдать.

— Мне просто нужно немного времени, чтобы всё осознать и понять, как жить дальше. Я не каждый день от мужа ухожу.

— Давай, едь ко мне, — перебивает она, — одна голова хорошо, а две — лучше.

И вот через сорок минут я уже сижу на её ярко-жёлтой кухне, где всегда пахнет корицей и свежееобжаренными зёрнами кофе. Вера ставит передо мной кружку и смотрит не мигая, ждёт.

— Я так и не поняла, Диан, — начинает она, — дальше-то развод что ли?

— Ну а какие ещё варианты? — я обхватываю кружку ладонями, чтобы согреться. — У Кирилла беременная женщина. У меня никого, но он уверен, что я изменяла с Мазовым.

— Это тот громила лысый? — выпучивает глаза Веруня, чуть не расплескав свой кофе.

— Ага, представляешь? — хихикаю нервно. — Я его и видела-то всего раз пять, да и те мельком.

— Как он тогда узнал?

— Ему видео прислал какой-то доброжелатель.

— Ничего не понимаю. — Вера морщит нос. — Но если у тебя с ним ни-ни, то откуда оно взялось?

— У меня только одно предположение, — медленно произношу, — слепили с помощью искусственного интеллекта.

— Мда-а-а... — протягивает она, поджимая губы. — Не зря я с этим не связываюсь. Не успеем оглянуться, как нас поработит этот самый интеллект.

— Типун тебе на язык, Вер.

— Знаешь, — она ставит чашку и внимательно на меня смотрит, — я бы на твоём месте послала твоего Шувалова подальше, развелась да зажила в своё удовольствие.

— Думаешь, мне не стоит пытаться доказать, что это всё монтаж?

— Ну... — Вера задумывается, проводя пальцем по краю кружки. — Доверие-то подорвано. Да и докажешь ты ему, но беременность Наташи не рассосётся сама собой.

Как-то не по себе становится от её прямолинейности. Она говорит всё так уверенно, словно у неё перед глазами схема моей дальнейшей жизни, расписанная по пунктам. Но мне-то внутри всё ещё больно, неправильно, нервно. У Веры нет этого опыта, ей легко бросаться советами, когда сама она максимум расставалась с парнями после трёх свиданий.

Решение ведь принимать мне самой. И я хочу прежде всего для себя самой найти доказательства того, что видео — подделка. Чтобы потом хотя бы не мучиться тем, что не попыталась.

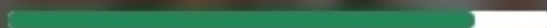
— Вер, — поднимаю на неё глаза, — а кто может выяснить, что видео поддельное?

Мои хорошие,

Если вы еще не подписаны на меня, то я буду очень вас ждать :)

Прочитано: 86%

Развод. Время любить себя

Ограничение: 18+

В тексте есть:

противостояние харак..., нежна
литмоб не развод под...

👁 12646

★ 155

В процессе: 6 дн.

Обновлено: 15 час. назад

Общий размер: 23 стр.

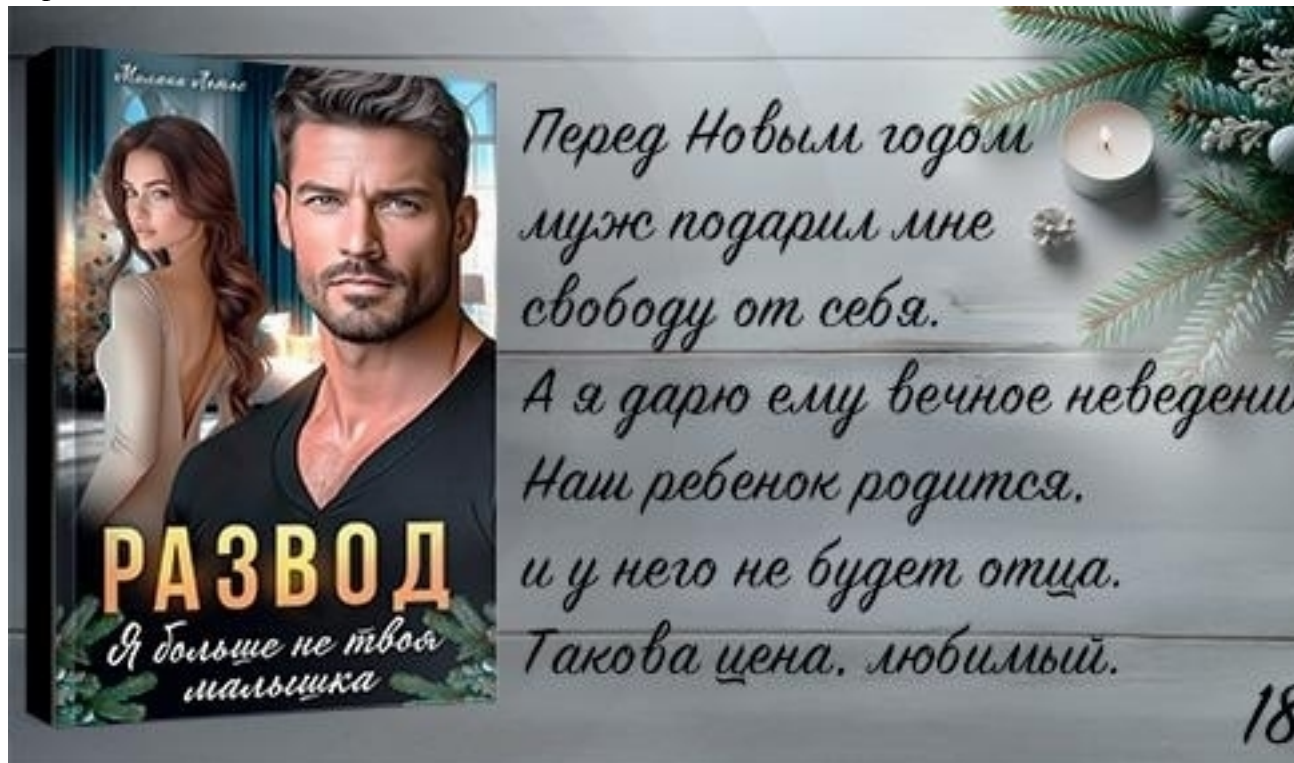

Продолжить чтение

Дорогие читательницы,

Хочу познакомить вас с новинкой литмоба "(Не) развод под новый год"
Милана Лотос "Развод. Я больше не твоя малышка"

<https://litnet.com/shrt/mlvz>

Глава 9 Диана

— Надо поискать информацию, сходу не скажу, кто может выяснить, настоящее ли видео. Но думаю, что сейчас это настолько актуальный вопрос, что должен найтись и кто-то, кто умеет его решать. Только может мы завтра на свежую голову поищем?

Немного прислушавшись к себе, понимаю, что чувствую себя опустошённой, будто кто-то вычерпал меня большой ложкой изнутри. Голова тяжёлая, мысли тяжёлые и липкие, а в груди какое-то эхо. Да, силы восстановить хоть немного точно не помешает.

Поскольку сегодня выходной, Вера решает, что оставлять меня валяться на диване — преступление, и мы вместе идём за продуктами. На улице морозно, воздух покалывает щеки, снег под ногами хрустит громко. Вера ведёт себя как обычно — громко комментирует всё подряд, обсуждает скидки, спорит со мной о вкусе разных сортов сыра. И я неожиданно ловлю себя на мысли, что чувствую благодарность за эту простую нормальность рядом.

Чтобы не сваливаться обратно в мысли о Кирилле, мы обсуждаем всё, что угодно, кроме моей ситуации. Например, неожиданно выясняем, что помидор — ягода. Вера чуть не поперхнулась воздухом, когда я сказала это, и ещё минут пять спорила. Я впервые за сутки смеюсь по-настоящему, даже бока сводит.

Но всё равно чувствую, что, стоит разговору стихнуть, мысли начинают подбираться снова. Поэтому уже у кассы сама предлагаю:

— А давай в кино? Что угодно, только не дома сидеть.

Вера даже не уточняет, что идёт в прокате, просто согласно кивает и тянет меня к выходу. Мы выбираем самый новый блокбастер, громкий, яркий, с кучей взрывов и спецэффектов. В зале тепло, пахнет попкорном, и когда свет гаснет, я будто на мгновение выключаю свою жизнь и подключаюсь к чужой.

Мы обе незаметно втягиваемся: шепчем друг другу комментарии, вскидываемся в напряжённые моменты, переживаем за героев так, будто это наши личные знакомые. И почти два часа я не думаю ни о Кирилле, ни о Наташе, ни о проклятой флешке.

Мы возвращаемся домой, и Вера сразу включается в свои бытовые ритуалы, ставит стирку, что-то раскладывает по полкам, протирает стол, напевая себе под нос. А я стою в центре кухни, словно потерянная, не зная, куда себя пристроить. В итоге плетусь в гостиную, устраиваюсь у телевизора, выбираю какой-то случайный фильм, который вообще не собираюсь смотреть.

Через десять минут ловлю себя на том, что сижу, уставившись в экран, но не понимаю ни единой сцены. Горло будто царапает изнутри, появляется лёгкое першение, как перед простудой. Я пару раз делаю глоток — неприятно. Списываю всё на усталость, на стрессы, на весь этот сумбур последних дней. Но чем дальше, тем хуже. Нос начинает закладывать, сначала чуть-чуть, потом уже так, что дышу ртом и чувствую, как он пересыхает.

К вечеру меня начинает знобить. Сидеть становится невозможно: хочется то укутаться в одеяло, то наоборот. Голова наливается какой-то ватой, мысли расползаются во все стороны. Я поднимаюсь с дивана, чтобы сказать Вере, что, кажется, заболела, но в горле так дерёт, что я едва выдавливаю:

— Вер... что-то мне... нехорошо.

Она подлетает ко мне моментально.

— Ой, милая, ты блее мела. И горячая, жуть, — прикасается к моему лбу. — Всё, марш в постель.

Я иду в её гостевую комнату почти вслепую. Ложусь, и меня сразу накрывает волной холода. Вера приносит воду, термометр, ворчит что-то про то, что не хватало ещё и болячку

подцепить в такой момент. Термометр показывает под сорок. Я только моргаю, удивиться даже нет сил. Горло дерёт, нос совсем перестаёт дышать, от температуры в висках стучит.

Ночью я почти не сплю, бросает в жар, потом в холод, я ворочаюсь, и каждая клетка тела болит так, будто меня переехал автобус.

Утром я просыпаюсь совершенно разбитой, будто меня всю ночь били подушками с кирпичами внутри. Температура высокая, голова кружится. Я слышу шаги, Вера заглядывает в комнату, и у неё лицо сразу вытягивается.

— Диана, да ты горишь! Господи... — Она исчезает на минуту и возвращается с таблеткой и стаканом воды. — Пей жаропонижающее. И вот тебе пастилки, рассасывай каждые пару часов.

Я послушно глотаю таблетку и снова проваливаюсь в подушку.

— На работе я договарюсь, даже не думай об этом, — говорит она, поправляя на мне одеяло. — Лежи. Восстанавливайся. Тебе сейчас не до подвигов.

Я только киваю. Говорить больно. Думать — тоже. А оставаться бодрой в таком состоянии просто невозможно.

Я проваливаюсь глубже в сон, будто в тёплое вязкое болото, где события не подчиняются никакой логике. Сознание болтается на грани, то всплываю, то снова тону в горячке.

И вот снова слышу — голоса. Они будто бы раздаются из кухни, хотя я уверена, что сплю. Слишком отчётливо, слишком близко.

Вера. И... мужчина. Точно мужчина — низкий голос, но слова распадаются на отдельные кусочки, как будто кто-то крутит регулятор громкости туда-сюда.

— Ну... хотя бы ужины... — просит Вера почти умоляюще.

Я даже во сне обалдеваю. Моя Вера? Умоляет?

Нет, ну это точно бред. У неё стиль общения другой: жёсткий, с ухмылкой, с приподнятой бровью, будто она заранее знает, что должна быть сверху в любой ситуации. Даже если это банальный спор о том, кто будет мыть посуду.

А тут — голос тихий, мягкий, почти как у женщины, когда та боится спугнуть.

— Подумай... хотя бы помогать тебе готовить... — шепчет Вера.

Мне становится смешно, но в то же время жар ещё выше подскакивает, и смех получается таким же бредовым, как сон.

«Ну да, конечно. Ещё скажи, что она на коленях стоит и молит его не уходить, — думаю, — ага, щас. Вот это я, конечно, разболелась. Уже такие сюжеты мозг генерирует».

Я пытаюсь повернуть голову на подушке, но та словно каменная. Всё тело ломит.

Внезапно голос мужчины становится громче, почти отчётливым, но слова всё равно ускользают, превращаясь в кашу. Я ловлю лишь отдельные фразы, до странности серьёзные:

— ...не могу...

— ...она же больная...

— ...ты знаешь, что я...

Что он?

Я пытаюсь вслушаться, но сон тянет обратно, убаюкивая теплом под одеялом. Горло режет бритвой, нос заложен настолько, что кажется, будто я дышу через тряпку.

«Ну да, Диан, думай о Вере и её тайных мужчинах, когда у тебя 39 температура. Точно бред».

Сознание гаснет, и я снова проваливаюсь в сон, на этот раз без картинок, без звуков, просто в темноту.

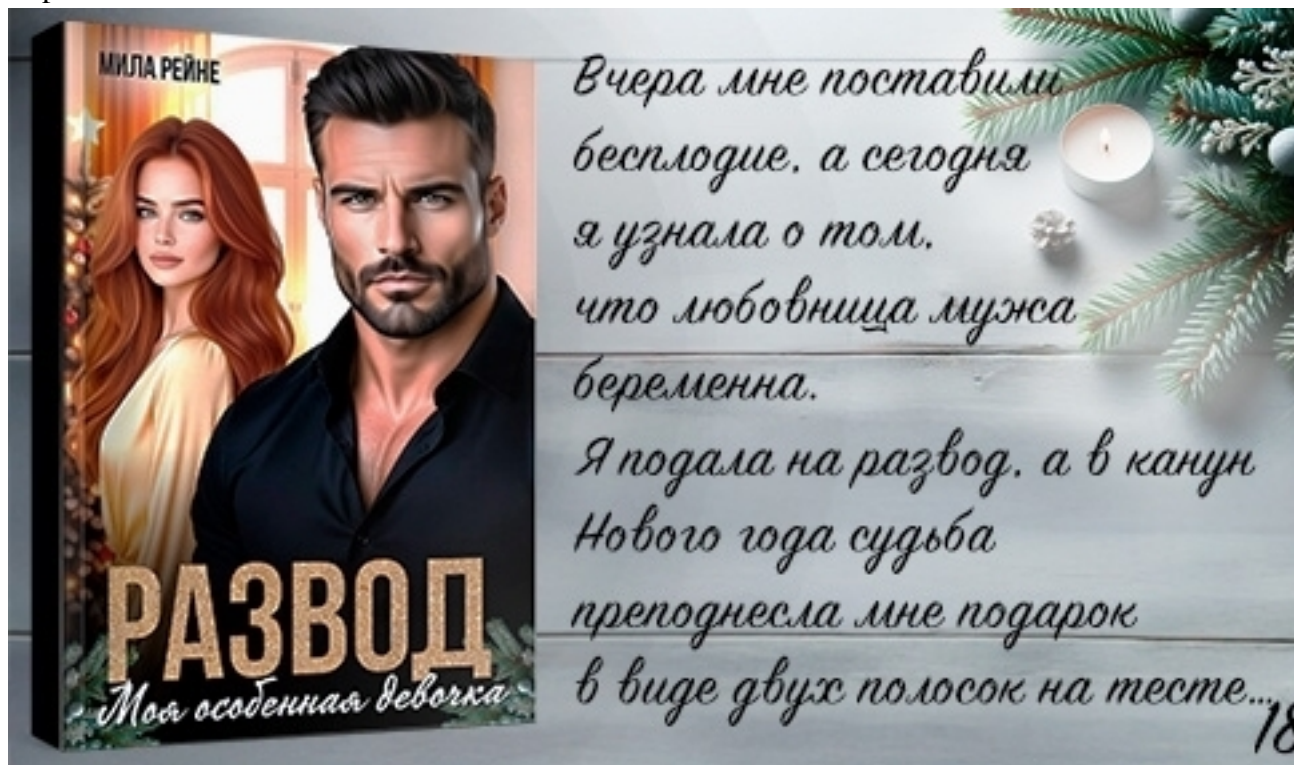
И только последняя мысль вспыхивает на границе сна:

Приснитися же такое...

Дорогие читательницы,

Хочу познакомить вас с новинкой литмоба "(Не) развод под новый год"
Мила Рейне "Развод. Моя особенная девочка"

<https://litnet.com/shrt/OKMI>

Глава 10 Диана

Когда просыпаюсь, вокруг темно. Даже из комнаты Веры не пробивается ни полоски света, дверь закрыта, а под ней чёрная тень, как будто в квартире никого нет. Кручу головой по сторонам, пытаюсь сообразить, сколько сейчас времени. Простыня сбилась к ногам, всё тело влажное, как будто я провела ночь в сауне.

Нашупываю рукой телефон, который угодил куда-то между подушкой и стеной. Экран слепит глаза. Ого... почти полночь. Ничего себе я заснула.

Хмурюсь, потому что внезапно всплывает сон. Или бред? Да какая разница, чушь полная. Но неприятно. Кажется, я теперь дозреваю до той стадии, когда готова подозревать всех, от коллег до случайной соседки, что они претендуют на Кира. Прекрасно. Это уже не просто ревность, а настоящая паранойя.

Пить хочется жутко, так сильно, что язык словно наждачкой протёрли. Но глотать больно так, словно внутри сплошные лезвия. Всё же поднимаюсь. Собираюсь с силами, как будто мне предстоит марш-бросок, и, пошатываясь, иду на кухню. Делаю пару глотков с трудом, но организм благодарно откликается. Беру кружку с собой, чтобы не шляться туда-сюда, но на обратном пути замечаю слабое голубоватое сияние, у Веры светится экран телефона.

— Не спишь ещё? — голос сиплый.

— Как всегда, скроллю соцсети, — Вера лениво тянет слова, кажется, лежит, укрытая почти с головой. — Ты как, получше?

— С горлом просто жуть. Но температура, кажется, поменьше.

— Ты бы тогда шла отдыхать. Лежи и восстанавливайся, — бормочет она.

— Слушай... — сжимаю кружку, потому что вопрос действительно глупый. — У меня тут... ну... один вопрос.

Собираюсь с духом. Обычно мы обсуждаем мужчин запросто, кто встретился, кто понравился, кто бесит. Но не в таком... опасном, что ли, ключе. И уж точно не моего пока ещё мужа.

— Не тяни, Диан, что? — Вера сонно зевает.

— Ты сегодня вечером... не разговаривала здесь с каким-то мужчиной?

В ту же секунду экран смартфона гаснет, как назло. И теперь я не вижу ни её лица, ни реакции, только слышу тишину. Пауза нарастает, обволакивает, и мне она совсем не нравится. Будто она лихорадочно соображает, что мне сказать.

— Да нет, — наконец отвечает. — Ни с кем не говорила. А что?

— Может, мне показалось... — шепчу, чувствуя, как по телу проходит озноб.

— Ну так температура же, — Вера даже слегка смеётся. — В бреду всякое может почувиться.

— Ага. Ладно... пойду к себе.

Захлопываю за собой дверь тихо. Ложусь, пытаюсь уткнуться в подушку и забыться. Мысли цепляются друг за друга, как репей.

Смутные сомнения, наоборот, только сильнее становятся, оформляются, надуваются изнутри, как пузырь жвачки. Эта её пауза... эта странная неуверенность в голосе. Это точно не показалось.

Но зачем скрывать? Что в этом такого тайного?

Разве что... Разве что говорила она действительно с Кириллом.

Вот это уже странно. За всё время нашего брака они общались только «привет-пока», максимум обменивались шутками на общих праздниках. Она всегда говорила, что такие, как Шувалов, вообще не в её вкусе, слишком правильный, слишком уверенный в себе.

Но, чёрт, отчего тогда у меня нехорошее предчувствие?

Мне даже обсудить это не с кем толком. Остальные подруги уже либо встречаются, либо замужем за теми, с кем общается Кирилл. Так получилось, что все наши компании переплелись: мы с ним вместе с юности, и большинство важных людей в моей жизни появились именно через него. С моей стороны только Вера никак не связана отношениями внутри компании, а с его, наверное, тоже один друг, Андрей. И всё.

Вот я и боюсь: обсуди я с кем-то из них, о нашей проблеме будут знать все. А мне бы этого очень не хотелось. Не хочу потом ловить на себе жалостливые взгляды, слышать шёпот за спиной или, что хуже, выслушивать советы, которые никто не спрашивал. Тем более что это пока только предположение... Может, я и правда чересчур себя накручиваю. Болезнь, стресс, недосып всё же давит. Иногда кажется, что я вижу намёки там, где их вовсе нет.

Когда мне становится лучше через пару дней, волнение постепенно утихает, и жизнь приходит в относительно стабильное русло. Насколько это возможно, учитывая, что я до сих пор живу у подруги и даже не представляю, когда смогу решить, куда двигаться дальше. Но по крайней мере я уже не шатаюсь от температуры и перестаю вслушиваться в каждый шорох.

— Ди, ты меня несколько не стесняешь. Хоть насовсем тут оставайся, вместе веселее, — говорит Вера, заглядывая в комнату, где я раскладываю свои вещи чуть аккуратнее, чем раньше.

Её тон такой спокойный и уверенный, что я даже на миг верю, будто и правда всё не так плохо.

— Разве ты не привыкла жить одна? — спрашиваю я, хоть и знаю ответ наперёд. Вера любит своё пространство, свой порядок, свою автономию.

— Да, но с тобой мне на удивление комфортно. Знаешь, так бывает. Не можешь ни с кем ужиться, пока не находишь того самого.

Я усмехаюсь. Так и подмывает спросить, почему же она до сих пор не нашла себе «того самого», хотя бы временного. Ведь мужиков вокруг неё хватает, и симпатичная, и разговорчивая, и умная. Но она отшивает всех, кто проявляет хоть малейший интерес.

Так и до сорока кошек недолго, если честно. А ведь Вера очень привлекательная, это отмечают все. Даже в нашей компании, где мужчины чаще заняты обсуждением машин и ставок, периодически зреют планы познакомить её с «хорошим парнем». Но ни одна попытка успехом не закончилась.

— Верунь, ты только не обижайся, но я всё же скажу, — решаю я, выбирая слова осторожнее, чем обычно. — Ты будто крест на себе поставила. Тебе бы семью строить, найти хорошего мужчину. Но ты всех отталкиваешь. Я переживаю. Может, есть кто-то, в кого ты влюблена?

— Я уже устала от вас отбиваться, заботушки вы мои, — смеётся Вера, но смех у неё какой-то нервный. — Да, есть один на примете. Но там всё очень непросто.

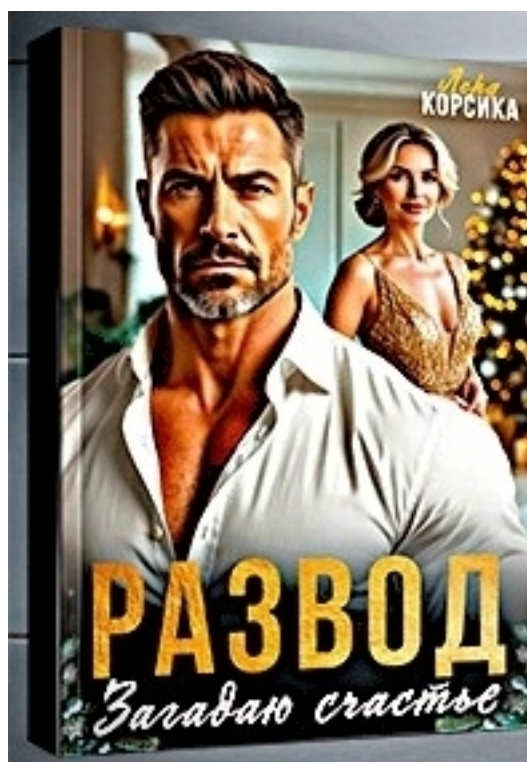
Она отводит взгляд, и у меня внутри что-то сжимается. Я вся подбираюсь, потому что вижу: ей нелегко даётся это откровение. Значит, правда что-то серьёзное. Но я тут же даю себе обещание, что бы она ни сказала, осуждать её я не буду. Обстоятельства бывают разными, а она для меня слишком важна.

— Он женат.

Дорогие читательницы,

Хочу познакомить вас с новинкой литмоба "(Не) развод под новый год"
Лера Корсика "Развод. Загадаю счастье"

<https://litnet.com/shrt/17ek>

Двадцать пять лет брака.
двое детей. дом полная чаша.
И такой вот подарок на
Новый год:

«Я понял, что не люблю тебя.
живу с тобой из жалости.
ради детей...»

Нет, дорогой. Я не позволю
вытирать о себя ноги.

Это Я с тобой развожусь!

18

Глава 11 Диана

В ту же секунду, как слышу признание подруги, что она любит женатого мужчину, я готова взять свои слова обратно. Я бы и хотела ей искренне посочувствовать, дать совет, как быть, но все слова застревают в спазмированном горле. Казалось бы, это должно быть о ней, о её чувствах... но в груди всё режет, потому что больно и мне.

Это настолько попадает в мою собственную боль сейчас, что мне только и остаётся, что молчать, чтобы не сказать лишнего. Я даже чашку держу двумя руками, хотя чай тёплый, не горячий, просто иначе они бы дрожали.

— Проехали, Ди. Я же говорила, что не стоит поднимать эту тему. Понимаю, что не та ситуация и не тот момент. Да и раз ничего не изменилось за столько лет, никакой срочности нет.

“Срочности нет... столько лет...”

Эти слова отдаются в голове глухим, неприятным эхом. Я невольно представила, что вот так же, годами, можно жить, чего-то ждать, в кого-то верить... и не иметь ни малейших гарантий, что оно вообще когда-нибудь случится.

— Это ведь не чей-то муж из наших знакомых? — напряжённо всматриваюсь в её глаза, стараясь поймать хоть мельчайшую эмоцию.

— Что? — глаза у неё сразу начинают бегать. — Нет, конечно. Ты что, разве я могла бы так. Расслабься, Ди. Я уже сто раз пожалела, что ляпнула это.

Она моргает слишком часто, пытаясь удержать спокойствие, и я почти физически чувствую, как Веру накрывает паника от того, что сказала лишнее. Она подливает мне чай, руки тоже чуть дрожат, и пододвигает тарелку с печеньем, будто хочет заткнуть мне рот сладостями, лишь бы не продолжать.

В том, что она пожалела, я ничуть не сомневаюсь. Вон какая нервная стала, не знает, чем меня отвлечь, чем сменить тему. А вот в то, что её женатый мужчина не из нашей компании, верится с трудом. Конечно, можно влюбиться в кого угодно... но зачем тогда весь этот страх, вся эта суета в жестах?

Она уходит на работу, а я остаюсь в постели. Точнее, сначала пытаюсь встать, но ноги ватные, и я обратно проваливаюсь под одеяло, уставившись в потолок. Это худшее, что только можно придумать в таком нестабильном состоянии, оставаться одной с собственными мыслями.

Я против воли накручиваю себя до такого состояния, что хочется умолять свой организм о том, чтобы снова поднялась температура и меня вырубил. Серьёзно. Хоть какой-то выключатель бы сейчас.

Но нет. Голова ясная, а сердце будто в тисках. Каждый вариант, каждая догадка цепляется за следующую, и я оказываюсь внутри ужасного микса ревности, обиды, паранойи и чувства предательства, которое ещё даже не доказано.

Что прикажете делать?

Листаю ленту соцсетей бездумно, просто чтобы отвлечь мозг, чтобы он хоть на минуту перестал крутить одно и то же. Новости, мемы, фото котов, всё сливается в одно мутное пятно.

В этот момент приходит сообщение от Кирилла:

“Тебе стало лучше?”

Я замираю. Как будто чья-то рука сжала сердце изнутри.

“Откуда ты знаешь, что я болею?” — печатаю, и пальцы дрожат.

Ответ прилетает почти сразу:

“Вера писала в общем чате.”

Вера...

Да что ж такое. Я тут с ума схожу, убеждаю себя, что накручиваю, а оно всё само подкидывает поводы.

Лезу в чат. Скрупулёзно, как будто ищу улики. Пролистываю каждое сообщение за последние пару дней, когда я лежала с температурой и даже не держала телефон нормально в руках.

Пара бессвязных реплик между ребятами. Шутки про пробки. Фото чей-то собаки. Обсуждение, кто что берёт на выезд на природу.

И вот — единственное сообщение от Веры.

Очень короткое.

“Ди сегодня плохо, видимо вирусняк. Кто сможет закрыть созвон?”

Я перечитываю раз пять. Прислушиваюсь к себе. Именно так она и говорит, мимоходом, без эмоциональных подробностей.

Но меня задевает другое.

Если Кир это видел... почему он пишет только сейчас?

Он же был в чате. Он лайкал мемы. Он отвечал Андрею. Он отправлял голосовые.

И только под конец моей болезни — «Тебе стало лучше?»

Как будто... Как будто кто-то сказал ему лично. Но кто, если в чате больше ни слова?

Я делаю глубокий вдох, но он выходит резким, сбивчивым. Горло всё ещё болит, но теперь жжёт от тревоги под грудиной.

Смотрю на экран, на единственную строчку от Веры. И впервые чувствую, как сомнения сгущаются вокруг неё почти осязаемо.

Что всё это значит — пока не понимаю.

Я отвечаю Кириллу коротко, без эмоций, чтобы он не думал, что я снова готова обсуждать что угодно, кроме фактов.

“Мне лучше. Уже встаю, температура спала.”

Палец зависает над клавиатурой. Пишу дальше, будто между делом, хотя внутри всё сжимается:

“А Вера говорила, что я иду на поправку?”

Ответ прилетает почти сразу, как будто он сидел с телефоном в руках и ждал.

“Да, яспрашивал её напрямую.”

Напрямую? То есть писал ей. Или звонил. И она об этом умолчала.

Сердце неприятно ёкает. Вроде бы ничего криминального, подруга могла просто не при-
дать значения. Но после её нервозности... Звенит маленький тревожный колокольчик, тихо,
но навязчиво.

Я бросаю телефон рядом и закрываю лицо руками. Внутри как будто два голоса спорят: один шепчет, что я веду себя глупо, всё притягиваю за уши. Другой, что если не проверю, потом себе же не прощу.

Самое простое, заглянуть в ту переписку. Это просто... информация. Я оправдываюсь перед собой заранее, хотя даже ещё ничего не делаю.

Я крепче сжимаю телефон. Что ещё могло быть в той переписке? Что-то, чего не видно здесь, в общем чате?

Наверное, самое простое, самое очевидное, самое честное — посмотреть её личный чат. Узнать, что они там обсуждали. Может, тогда всё наконец станет на свои места. Или наоборот, выбьет меня окончательно.

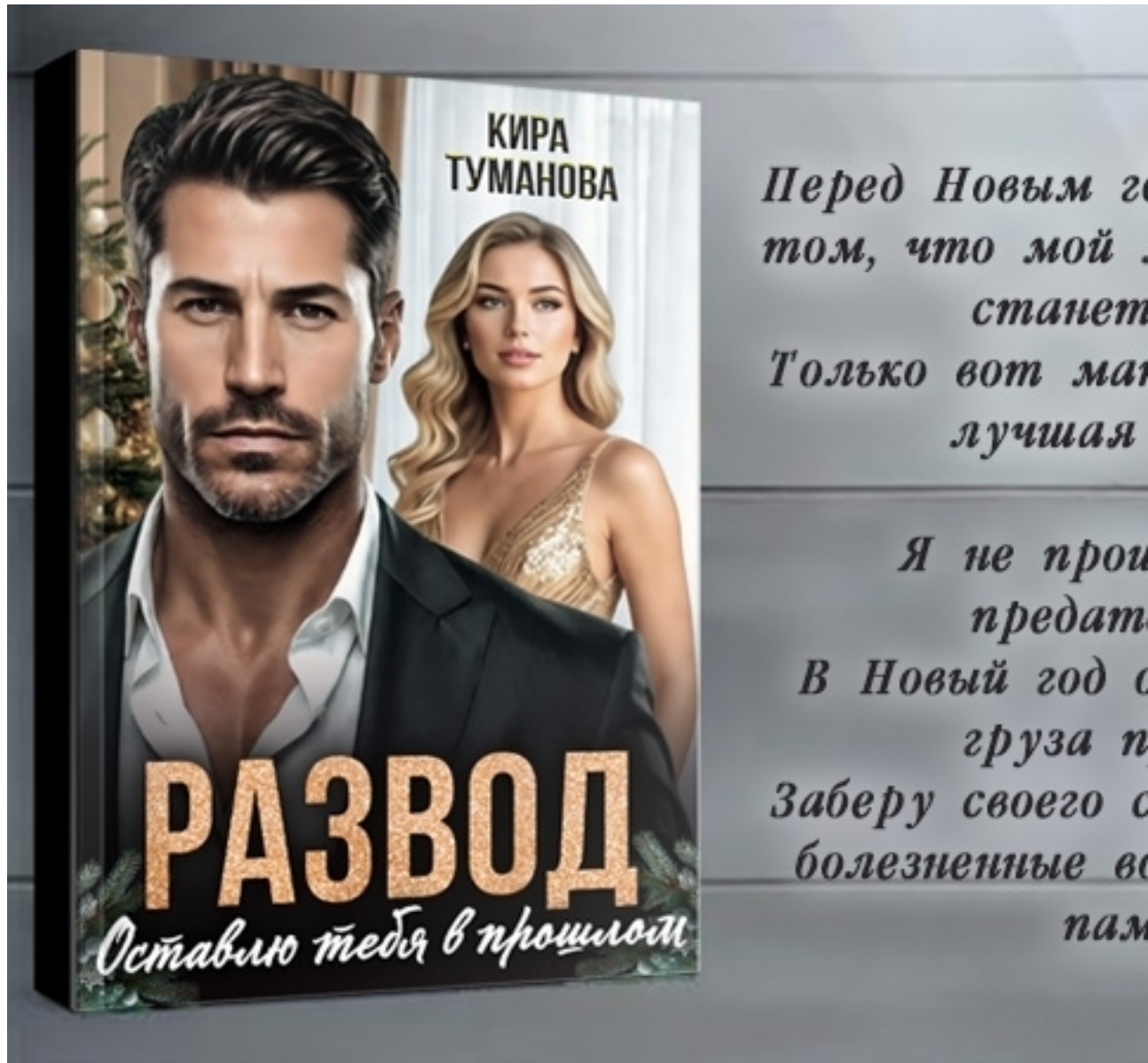
Но я всё равно думаю об этом. Думаю слишком долго.

И от этого становится страшно.

Дорогие читательницы,

Хочу познакомить вас с новинкой литмоба "(Не) развод под новый год"
Кира Туманова "Развод. Оставлю тебя в прошлом"

<https://litnet.com/shrt/NG7q>

Глава 12 Диана

Я остаюсь в квартире Веры одна. Формально — одна. На самом деле она где-то здесь: в душе, на балконе, возится на кухне, я не уточняю, потому что сейчас мне важно другое. Тишина стоит такая, что слышно, как щёлкают часы на стене и гудит холодильник.

В голове снова всплывает его голос.

«Я спрашивал её напрямую».

Напрямую.

Фраза короткая, будничная, брошенная без задней мысли. Именно поэтому она так цепляет. Кирилл не оправдывался, не делал пауз, не подбирал слова. Сказал так, будто в этом нет ничего странного. Будто это нормально — писать Вере, интересоваться моим состоянием, когда мы с ним по разные стороны.

Я сижу на диване, поджав под себя ноги, и ловлю себя на том, что взгляд снова и снова скользит к журнальному столику. Туда, где обычно лежит её телефон. Сейчас его нет, Вера унесла с собой.

Я не хочу шпионить. Я не хочу быть той, кто лезет в чужие переписки. Я просто хочу понять, не схожу ли я с ума.

Это разные вещи. Я почти верю в это.

Внутри сразу поднимается сопротивление. Резкое, болезненное. Так нельзя. Это подло. Это нарушение границ. Это не про меня.

Я всегда гордилась тем, что умею доверять. Даже когда больно, даже когда страшно. Даже сейчас, когда всё рушится, я всё ещё цепляюсь за мысль, что правда должна всплывать сама.

Но тут же, следом, поднимается другая волна. А если нет? А если правда уже рядом, и я просто закрываю на неё глаза, потому что так удобнее?

Я имею право знать. Я имею право не быть последней дурой. Я имею право защитить себя, хотя бы сейчас.

Нет. Я не такая.

Я почти физически отталкиваю от себя эту мысль, как что-то липкое и постыдное. Встаю, иду на кухню, наливаю себе воды, делаю несколько глотков. Холодная, из-под фильтра. Глотаю слишком быстро, захлёбываюсь, кашляю.

Вот. Отлично. Нашла, чем заняться.

Обращаю внимание, что телефон лежит на кухонном столе, экран тёмный, рядом кружка с недопитым кофе. Я замечаю его не сразу, а потом будто взгляд сам к нему липнет. Настолько, что становится не по себе.

Сердце ускоряется, ладони мгновенно становятся влажными. Я делаю вид, что ищу салфетку, подхожу ближе. Рука почти сама тянется, ещё сантиметр, ещё... Я уже чувствую прохладный край корпуса под подушечками пальцев.

И в этот момент Вера возвращается в кухню.

— О, ты тут? — буднично, без задней мысли.

Я дёргаю руку так резко, будто обожглась, хватаю первую попавшуюся салфетку и начинаю вытирать несуществующее пятно на столе. Щёки горят. Внутри мерзкое, липкое чувство стыда.

Что я вообще делаю?

Я злюсь на себя. На эту слабость, на это желание копаться в чужом. Это же Вера. Моя Вера. Человек, который пустил меня к себе, когда я осталась ни с чем. А я... я стою тут и думаю о её телефоне.

Ухожу в комнату, прикрываю за собой дверь. Сажусь на кровать, беру в руки пульт, включаю какой-то сериал. Картинка мелькает, герои говорят, смеются, ругаются — а я не слышу ни слова. Параллельно листаю соцсети, открываю рабочую почту, даже встаю и начинаю складывать вещи в шкаф, лишь бы занять руки.

Не помогает. Мысли возвращаются, как назойливая муха, которую невозможно прихлопнуть.

Вера уходит в душ. Я слышу, как включается вода, как закрывается дверь в ванную. И снова — тишина. И снова — телефон. Теперь уже на тумбочке в коридоре, подключённый к зарядке.

Я стою посреди комнаты, считая удары сердца. Потом выдыхаю и подхожу. Беру телефон в руки — он кажется тяжелее, чем должен быть.

Экран загорается, требуя ввести пароль.

Пробую дату её рождения. Нет. Простой код — четыре одинаковые цифры. Мимо. Что-то связанное с работой, номер кабинета, отдела, я сама не знаю, что именно, пальцы дрожат.

Каждая неудачная попытка усиливает панику. Мне кажется, что вода вот-вот перестанет шуметь, дверь откроется, и Вера выйдет и увидит меня вот так, с её телефоном в руках. Объяснить это будет невозможно.

В ушах начинает шуметь. Я быстро гашу экран и кладу телефон обратно на тумбочку, ровно так, как он лежал. Отхожу на шаг, потом ещё.

Сердце колотится так, будто я только что пробежала марафон. Я прислоняюсь к стене и закрываю глаза.

Это безумие. Настоящее. Но почему-то остановиться становится всё труднее.

Меня накрывает внезапно. Сажусь на краю кровати и чувствую себя мерзко. Не потому что подозреваю Веру, а потому что уже дважды тянулась к её телефону. Потому что вообще допускаю такую мысль. Потому что мысленно перебираю пароли, как воровка.

Злюсь. На Кира за его чёртово «я спрашивал её напрямую». На Веру за паузы, недоговорённости, за это её «ты что», сказанное слишком быстро. На себя — сильнее всего. Если бы не эта ситуация, если бы не видео, флешка, беременная Наташа, если бы не мой мир, рассыпающийся на куски, я бы никогда... Никогда.

А теперь вот сижу и понимаю: доверие уже треснуло. Не только в браке, там оно, кажется, вообще разлетелось в пыль, но и здесь, в единственном месте, где мне должно быть спокойно.

Я честно признаюсь себе: я боюсь узнать правду. Боюсь увидеть имя Кирилла там, где его быть не должно. Боюсь подтверждения того, что я опять оказалась слепой. Но ещё больше я боюсь жить дальше, каждый день гадая, что именно они скрывают.

Я всё ещё сижу, когда из ванной доносится шум воды — Вера, кажется, включила душ. Потом звук стихает, хлопает дверца стиралки, шаги на кухню и возня. Я выдыхаю, сама не понимая почему.

— Ди, — доносится оттуда, — ты не видела мой телефон? Мне надо рецепт посмотреть, а руки в муке.

— На тумбочке, кажется, — отвечаю я, и голос звучит удивительно ровно.

Через пару секунд Вера заглядывает в комнату, вытирая руки полотенцем.

— Можешь сама глянуть? Он у меня тут разблокирован, — кивает в сторону кровати и уже разворачивается обратно на кухню. — Скажи, сколько там граммов сахара, а?

Я смотрю на телефон. Экран светится. Не погас. Он правда разблокирован.

Беру его в руки — и в этот момент экран дёргается, сверху всплывает уведомление. Кирилл.

У меня буквально перехватывает дыхание. Пальцы леденеют, а внутри — наоборот, будто всё закипает. Это не абстрактное подозрение. Не фантазия.

Я понимаю, что если сейчас положу телефон обратно, смогу ещё какое-то время делать вид, что ничего не знаю. Что это всё просто совпадения, нервы, температура, моя разбитая голова. А если пролистаю... назад дороги не будет.

Я открываю чат Кирилла и Веры.

Экран на секунду плывёт перед глазами, приходится моргнуть, чтобы сфокусироваться. Имя Кирилла сверху режет взгляд сильнее, чем я ожидала.

Первые сообщения — обычные. Ничего криминального, ничего такого, из-за чего стоило бы сходить с ума. Пара фраз про работу, какая-то шутка, смайлик. Коротко, по делу. Я ловлю себя на том, что задерживаю дыхание, а потом резко выдыхаю, будто только что вынырнула из-под воды.

Вот. Всё. Ты накрутила себя, Диана.

Палец уже тянется закрыть чат, вернуть телефон на место, сделать вид, что ничего не было. В груди даже появляется слабая, почти стыдливая надежда, сейчас всё закончится, и я снова стану нормальным человеком, а не той, кто роется в чужих переписках.

Но что-то внутри не отпускает. Я пролистываю выше.

Сообщения становятся реже, короче, между ними паузы. Даты цепляют взгляд. Вчера. Позавчера. В тот самый вечер. В ту ночь, когда мне казалось, что я брежу.

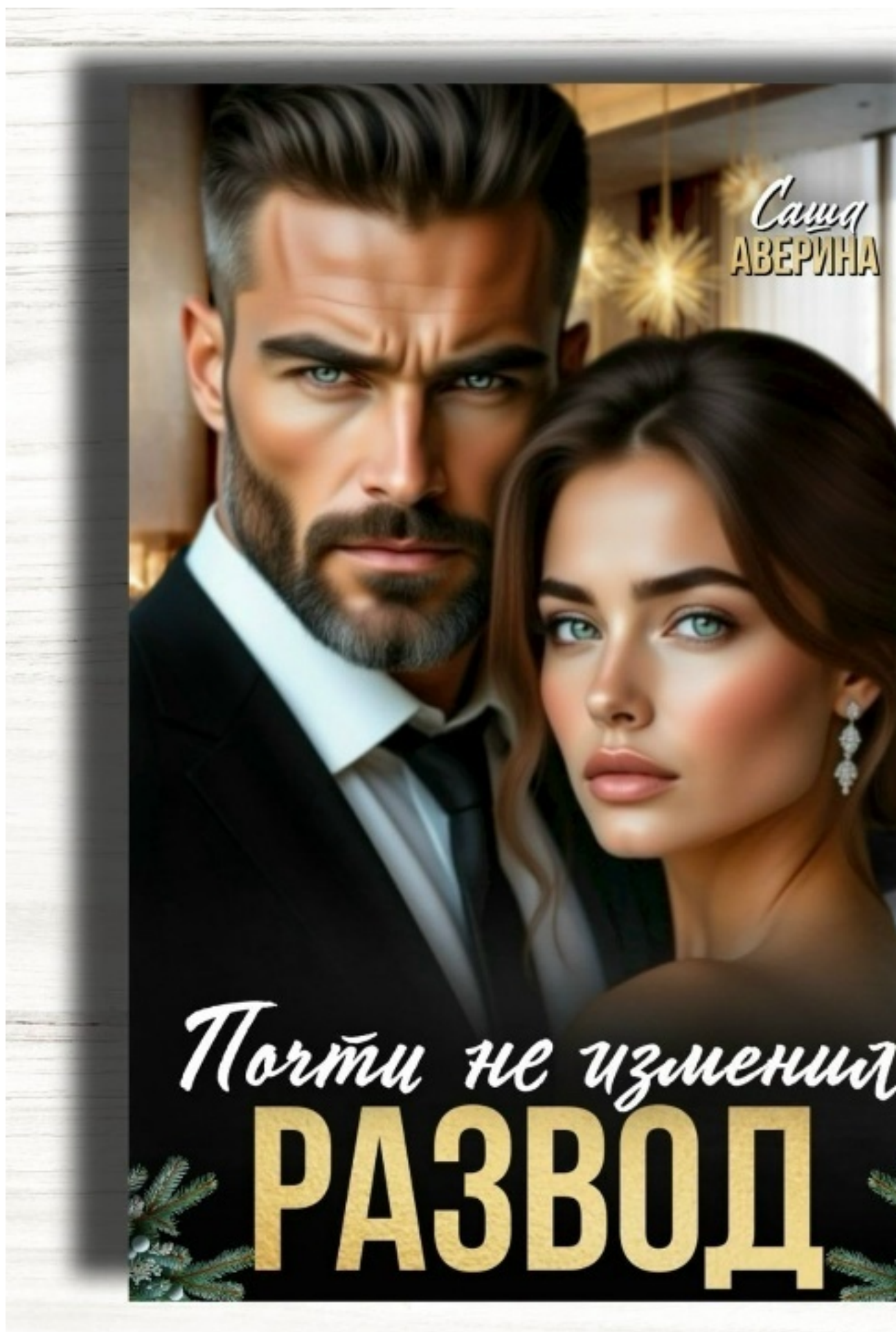
Горло вдруг сжимает так, что становится трудно глотать. Я чувствую, как по спине ползёт холод. Я листаю ещё.

И вот тут — не прямое признание, нет. Никаких «люблю», никаких очевидных слов. Всё куда хуже.

Дорогие читательницы,

Хочу познакомить вас с новинкой литмоба "(Не) развод под новый год"
Саша Аверина "Развод. Почти не изменил"

<https://litnet.com/shrt/W2DH>

Глава 13 Диана

Бывало ли у вас такое, что вы всецело доверяете какому-то человеку? Настолько, что доверяете ему всё, без оговорок, без внутренних зажимов, без «это я лучше оставлю при себе». И свои радости, и свои печали, и своих тараканов, самых стыдных и нелепых. Она знает обо всём. И о том, каким был ваш первый поцелуй, неловкий, с прикусом жвачки и дрожью в коленях. И первый раз с комком в горле и мыслью, что, наверное, так и должно быть. И первый мужчина, первая любовь, первая боль.

Именно ей ты пишешь посреди ночи, когда кажется, что сердце сейчас разорвётся. Именно ей признаёшься, что боишься показаться смешной, что не умеешь целоваться, что страшно открывать свои чувства и ещё страшнее услышать отказ. Да кучу всего за столько лет дружбы, что уже и не вспомнишь, где заканчиваешься ты и начинается она.

Кажется, что с этим человеком и ссориться-то нельзя, проще сразу убить. Ведь масштабы известных тайн просто гигантские. Причём с обеих сторон. Вы будто держите друг друга за горло, но не из угрозы, а из доверия. Потому что точно знаете: этот человек не причинит боль. Не предаст. Не воспользуется. Не перейдёт ту самую невидимую черту, за которой дружба превращается во что-то грязное и непоправимое.

Но в какой-то момент, случившийся совсем недавно, доверие рушится от одного неосторожного движения. Не громкого, не показного, почти незаметного со стороны. От фразы, сказанной будто между делом. И я вдруг поняла, что и Веру-то я не знала совсем. Или знала, но упорно не хотела видеть. Иначе как так вышло, что я не уловила очевидной вещи: она влюблена в моего мужа. Не в абстрактного женатого мужчину. Не в кого-то далёкого и недостижимого. А именно в моего.

Но как это вообще случилось? Когда? В какой момент? Ведь на этапе развития наших с ним отношений именно она сидела рядом со мной на кухне, пила чай, давала советы. Кривила нос и говорила, что он абсолютно не в её вкусе, что слишком резкий, слишком прямолинейный, слишком... не её. Но раз уж я так уверена в своём выборе, она, конечно, поддержит. Это что, было фарсом? Или она влюбилась позже, когда мы уже были семьёй, когда он стал «моим» окончательно? Но тогда как я этого не почувствовала?

Я настолько растеряна, что не имею понятия, что делать. Мысли мечутся, не задерживаясь ни на одной дольше пары секунд. То, что оставаться здесь и дальше — не вариант, очевидно. Слишком тесно, слишком душно, слишком много невысказанного висит в воздухе. Вот только пойти-то мне некуда, и это осознание давит не хуже болезни.

Остаётся только искать съёмное жильё. Это может растянуться на недели, если не месяцы, а мне нужно решение здесь и сейчас. Надо найти первый попавшийся вариант хотя бы на месяц, просто передышку, точку, где можно будет выдохнуть и подумать. А там уже спокойно искать что-то более подходящее, с нормальными условиями.

Открыв сайт аренды квартир, ищу что-то поближе к работе. Пальцы лениво скользят по экрану, я почти машинально отмечаю фильтры, пролистываю фотографии. Все эти кухни, диваны, шторы кажутся какими-то ненастоящими, как декорации к чужой жизни. Где-то слишком дорого, где-то слишком убито, где-то подозрительно хорошо для своей цены. В итоге сохраняю в закладки более-менее приемлемые варианты, по которым надо будет позвонить завтра. Получается пять квартир. Пять возможных вариантов на ближайшее время.

Почему-то скандалить и требовать объяснений не хочется прямо сейчас. Нет ни злости в чистом виде, ни сил на громкие слова. Я до сих пор чувствую себя не очень хорошо: голова тяжёлая, тело ватное, горло саднит. Любой серьёзный разговор сейчас отнял бы последние силы, которые лучше потратить на что-то более конструктивное.

— Ди, может, посмотрим фильм? — заглядывает Вера.

— Вер, я могу тебя заразить, — бормочу, даже не поднимая на неё взгляд.

— Да ну. Я с тобой в одной квартире уже сколько дней, и ничего. Ты же идёшь на поправку. Давай, поднимайся.

Она решительно заходит ко мне и тянет мою подушку и одеяло, будто вопрос уже решён.

— Сделаем тебе гнёздышко у меня не хуже, — улыбается.

— А что смотреть? — сдаюсь я.

— Комедию, конечно. Будем поднимать настроение.

Устраиваюсь перед большим телевизором, где Вера уже щёлкает пультом, выбирая фильм. Я кутаюсь в одеяло, поджимаю под себя ноги и чувствую себя как какая-то бессловесная дура. Сажусь рядом, киваю, даже пытаюсь улыбаться, хотя внутри всё сжимается. Ведь ей всё сходит с рук только потому, что она отлично отыгрывала роль. А я продолжаю поддерживать этот фарс, делая вид, что всё по-прежнему.

Но стоит только представить, что я своими руками рушу годы дружбы, как в уголках глаз собираются слёзы. Так сложно, оказывается, даже имея прямые доказательства, взять и заявить в лицо, что секрет раскрыт. Сложно признать, что человек, которому ты доверяла больше всех, оказался совсем не тем.

Чувствую, что меня снова начинает лихорадить. От нервов, конечно. Я вырубаюсь на первом же часе фильма, проваливаясь в тяжёлый, липкий сон. Когда просыпаюсь, уже утро, серое и тихое, и Веры дома нет.

Мне не стало сильно лучше, но я решаю, что разговор нам всё же необходим. Больше тянуть нельзя, иначе я просто сойду с ума от догадок и недосказанности. Надо дождаться её.

Телевизор включать не хочется. Шум сейчас только раздражает. Может, почитаю что-то, чтобы занять голову. За стеклянными дверцами шкафа стоят ровными рядами книги, аккуратно, по цветам и форматам, как у Веры принято. Веду взглядом по корешкам и неожиданно цепляюсь за толстую книгу в красном переплёте. Она выбивается из общего ряда, будто случайно затесалась.

Тяну её на себя и отхожу к кровати. Книга оказывается тяжелее, чем кажется на вид. Присев, распакиваю её и ахаю.

Внутри оказывается настоящий тайник.

Дорогие читательницы,

Хочу познакомить вас с новинкой литмоба "(Не) развод под новый год"
Юля Шеффер "Развод. Твой муж любит меня"

<https://litnet.com/shrt/0eDH>

Снегурочка
принесла мне подарок
в виде измены мужа.
Я прогнала ее.
но сомнения посеяны.
Переживет ли мой брак
эту новогоднюю ночь?

18

Глава 14 Диана

Дрожащими пальцами достаю сложенный лист бумаги, явно вырванный из тетрадки в клеточку. Бумага мягкая, зачитанная, с заломами по сгибам, будто её много раз доставали, перечитывали и снова прятали. Внутри оказываются вложены фотографии, аккуратно разложенные одна к одной.

Их не очень много, но на всех присутствует Кирилл. Одно это уже бьёт под дых. В висках начинает пульсировать, а в груди становится тесно, будто туда резко закачали слишком много воздуха. Я всё же заставляю себя рассматривать их, одну за другой, потому что отвести взгляд невозможно.

Одно фото явно со свадьбы. Шувалов здесь в костюме, тёмном, идеально сидящем, в котором я видела его всего пару раз в жизни. В петлице — роза. Приглядевшись, я почти физически ощущаю, как внутри что-то обрывается: эту розу ему помогала прикалывать Вера. Лично. Я тогда стояла рядом, смеялась, переживала, что он нервничает, а она ловко управлялась с бутоньеркой, приговаривая, что «мужчинам нельзя доверять такие мелочи».

Я принимала это за заботу. За дружеское участие. Даже умилялась, мол, как хорошо, что ей не всё равно.

На другой фотографии, явно стянутой с его соцсетей, Кирилл подтягивается на турнике, топлесс. Солнечный свет подчёркивает рельеф мышц, спину, плечи. Фото старое, я его помню, лайкала, гордилась. Сейчас же меня передёргивает. Я вдруг отчётливо представляю, как Вера сохраняет этот снимок, разглядывает, возвращается к нему снова и снова. Мысль о том, что она могла фантазировать, глядя на моего мужа, вызывает тошноту.

— Фу... — срывается с губ вслух.

Едва не выворачивает. Я брезгливо отбрасываю фото в сторону, словно оно обжигает пальцы.

На третьей фотографии у меня от шока отвисает челюсть. Это наше с Киром совместное фото с отпуска на море. Я помню тот день: ветер, солёный запах, его рука на моей талии. Вот только вместо моего лица не очень умело, но узнаваемо прифотошоплена Вера. Чужое лицо на моём месте. Чужая улыбка на моём теле.

Грудь сдавливают так, что я всхлипываю, не успев это остановить. Горло перехватывает, слёзы застилают глаза, но я всё равно заставляю себя продолжать.

Перехожу к письму. Не знаю, зачем снова и снова разглядываю все эти доказательства Вериного помешательства. Наверное, чтобы не дать себе ни малейшего шанса её оправдать. Чтобы, когда я посмотрю ей в лицо и задам вопрос, у меня не дрогнул голос и не возникло желания поверить любой удобной лжи.

Разворачиваю лист и читаю строчку за строчкой. Почерк аккуратный, знакомый до боли, я видела его сотни раз в записках, списках покупок, открытках.

Это любовное письмо. Моему мужу.

Вера не просто изливает в нём свои чувства, она методично, деловито объясняет, почему ему будет лучше с ней. Как она его понимает. Как всегда была рядом. Как может быть для него опорой, вдохновением, «настоящей женщиной», в отличие от меня, которая якобы живёт в иллюзиях.

Слова плывут перед глазами, но смысл врежется в сознание чётко и беспощадно.

Она не просто влюблена. Она всё это время строила план. Совместного будущего, совместной жизни, даже детей.

Господи, да она больная...

Сердце колотится так, что отдаёт в виски. Кир вообще знал об этом? Если да, то почему молчал? Почему ни словом, ни намёком? Или он тоже считал это... безобидным? Дурацким увлечением подружки жены, которое само рассосётся?

А Вера? Зачем-то заботится обо мне, дружит, советы раздаёт. Поддерживает. Обнимает, когда мне плохо. Слушает мои жалобы, мои сомнения, мои страхи. Это такой способ меня контролировать? Держать рядом, чтобы всегда быть в курсе, чтобы наши отношения были у неё как на ладони. Получается, каждый раз, когда мы ссорились с Киром, она меня утешала, кивала, подливала вина и в то же время радовалась каждому нашему шагу в сторону пропасти.

Буквально волосы по всему телу приподнимаются от ужаса, потому что я начинаю понимать масштабы предательства. Это не спонтанное чувство. Не «влюбилась и не справилась». Это годы. Годы наблюдений, ожидания, терпения. Годы игры в подругу.

Остаток дня мне даже вода в горло не лезет. Я брожу по квартире, как тень, то сажусь, то встаю, то снова подхожу к окну. Покачиваюсь на месте, прислушиваясь ко входной двери, к каждому шороху в подъезде. Когда же звякнут ключи в замке? Каждая минута тянется вязко и мучительно.

Как только это происходит, я выхожу в коридор и молча смотрю на Веру, обняв себя руками, будто так можно удержать всё внутри и не рассыпаться.

— Ты чего как привидение? Плохо опять? — взволнованно спрашивает она, скидывая куртку и сапоги.

Голос заботливый, привычный. Тот самый, который я слышала сотни раз. Надо же, как ни в чём не бывало. Не знала бы, даже тени сомнения не возникло.

— Плохо, — подтверждаю тихо. — Я тут узнала, что у меня подруга — змея.

Она замирает всего на долю секунды, но мне этого хватает. Потом делает вид, что не поняла.

— Кто? Ди, ты чего... Давай чайку попьем, и ты мне всё расскажешь.

Вера моет руки, возится у раковины, включает чайник. Спокойно. Размеренно. Я иду следом, по пути заглянув в комнату и прихватив фото и письмо. Бумага жжёт пальцы. Демонстративно кладу всё на стол и жду, пока она обернётся.

Она оборачивается, и лицо у неё буквально застывает. Сначала бледнеет, потом уходит в зеленоватый оттенок. Рот приоткрывается, губы дёргаются, как у рыбы, выброшенной на берег.

— Как ты могла? — голос срывается.

— А что, у тебя эксклюзивные права на Шувалова что ли? — дерзко вскидывает подбородок, слишком быстро приходя в себя.

— Представь себе. Это мой муж.

— Ой, муж... — она фыркает. — Да ты давно вообще бельё покупала, чтобы его порадовать? На свиданку когда последний раз ходили? А «люблю» тебе когда Кирилл говорил?

Слова хлещут, как пощёчины. Вот и последствия излишней откровенности. Да, Вера знает слишком много. Я сама всё это ей рассказывала, сама впускала в нашу жизнь.

И самое страшное — ведь она попадает в больное. Между нами и правда стало ровно. Тихо. Спокойно. Я списывала это на усталость, осеннюю хандру, работу, потом находила другие оправдания. Получается, это было так заметно со стороны?

— Это что, даёт тебе право строить планы на чужого мужа?

— Ой, да сколько там вашему браку осталось. Заметь, ты даже не заметила ничего. Я бы спокойно дождалась развода и прибрала его к рукам.

— Он же не вещь.

Слова звучат глупо даже для меня самой. Я в шоке от тона, которым рассуждает подруга. Это больше похоже на разговор о выгодной покупке. В её голове всё уже решено, роли распределены, финал прописан.

— Ради мужика стараться надо. Усилия прикладывать. Да, я уверена, что у меня всё получится. Потому что на твоём фоне любая будет казаться вау, если окружит его заботой и ублажит в постели.

Меня мутит. На самом деле у нас всё не так плохо, как она воображает. Но ей удобно верить в это, так она оправдывает себя.

— Вера, ты себя слышишь?

— Ой, вот не надо только из меня делать вселенское зло. Я была офигенной подружкой. Несмотря на то, что мне было жаль Кирилла, я всё равно тебя поддерживала. Прекрасно знала, что брак ваш развалится. Просто набралась терпения. И наконец-то момент настал.

— Мы ещё женаты.

— Пф-ф-ф, делов-то. Через месяц он будет свободен.

В её голосе столько уверенности, что мне становится холодно. Спорить бессмысленно. Всё уже произошло. Дружбы здесь давно нет. Есть только расчёт и ожидание.

Я молча разворачиваюсь и иду в комнату. Снова собираю чемодан. Бросаю вещи как попало. Плевать, если что-то забуду. Невелика потеря. Зато избавлю себя от общества человека, который годами жил рядом, цинично наблюдая за моей жизнью и ожидая, когда она развалится.

Всего через полчаса я уже у дверей своего дома. Нашего с Киром, если быть точной. Злость держит на плаву. Мне плевать, что он поменял замки. Я потребую, чтобы он пустил меня. По крайней мере пока я не найду жильё.

Его дома не оказывается. Я сползаю на ступеньки, прислоняю голову к холодной стене подъезда. Камень приятно студит висок.

Как хорошо...

Дорогие читательницы,

Хочу познакомить вас с новинкой литмоба "(Не) развод под новый год"
Наталья Ван "Развод. Я (не) буду твоей"

<https://litnet.com/shrt/o2We>

Подарок сестры
на мою свадьбу
оказался на редкость...
откровенным.
Ее положительный тест
на беременность и подпись
"От твоего мужа".

18

Глава 15 Диана

Кажется, я заснула. Сознание выныривает рывком. Кто-то тормозит меня за плечо, хлопает по щеке, осторожно, но настойчиво. Голова тяжёлая, будто налита свинцом, веки не слушаются, открываются с трудом, словно к ним привязали грузики.

Сфокусировавшись, различаю знакомый силуэт. Кирилл. Стоит надо мной, нахмуренный, слишком близко. Свет подъезда режет глаза, и я машинально жмурюсь, чувствуя, как к вискам подкатывает тупая боль.

— Как давно ты тут сидишь?

Голос у него глуховатый. Я не сразу понимаю вопрос. Слова доходят с задержкой.

— А сколько сейчас времени?

Во рту сухо.

— Десять.

— Часа три.

Произношу это почти равнодушно, без упрёка, просто констатируя факт. Он тихо ругается себе под нос, резко выдыхает, проводит рукой по лицу.

— Горишь вся, — наклоняется ближе, тыльной стороной ладони касается моего лба. — Какого пошла ко мне? Подождала бы, пока поправишься.

От его прикосновения почему-то становится ещё жарче. Или это злость поднимается.

— Думаешь, я бы стала тут как бездомная дворняжка сидеть в таком состоянии, если бы у меня выбор был?

Голос звучит сипло, но колкость всё ещё при мне. Это, кажется, его цепляет. Кирилл выпрямляется, отходит к двери. Я машинально слежу за ним взглядом, и внутри всё сжимается. Вот сейчас. Сейчас он просто зайдёт внутрь, захлопнет дверь, и я так и останусь здесь на холодных ступеньках, с температурой, злостью и остатками гордости.

Но он распахивает дверь настежь и тут же возвращается ко мне. Не говоря ни слова, наклоняется, подхватывает меня на руки. Я даже возмутиться не успеваю.

Тепло его тела контрастирует с холодом. Голова сама собой клонится ему на плечо. Я не сопротивляюсь. Просто наблюдаю за происходящим как будто со стороны, отстранённо.

Отмечаю детали: он давно не брился. Светлая щетина покрывает весь подбородок, цепляет мой висок, когда он наклоняется. Обычно Кирилл такого себе не позволяет. Он всегда аккуратный, вылизанный до мелочей. А тут — явно не дневная щетина. Ей дня два, а то и три.

Чтобы Шувалов перестал следить за собой, как минимум планета должна с орбиты сойти. Или в его жизни должно что-то пойти очень не так.

Неужели переживает?

Он заносит меня в прихожую, даже не включая свет, и так знает каждый сантиметр этого пространства на ощупь. Я вжимаюсь в его плечо, чувствую знакомый запах.

— Ты весишь как пушинка, — бурчит он, разуваясь и умудряясь при этом не уронить меня. — Нормально вообще ешь?

— Не твоё дело, — отвечаю глухо, но сопротивляться даже не пытаюсь. Сил нет от слова совсем.

Он несёт меня в спальню. Нашу спальню. Или уже не нашу, я до сих пор не понимаю, где у этого всего границы. Кладёт аккуратно на кровать. Ладонь на секунду задерживается у меня на лбу, и я чувствую, как он морщится.

— Чёрт... температура под сорок, — цедит сквозь зубы. — Ты совсем с ума сошла.

— Не начинай, — прошу тихо, закрывая глаза. — Просто дай полежать.

Он исчезает, и я слышу, как на кухне звякают стаканы, как открывается аптечка. Всё это звучит до странного привычно, как будто мы не ругались, не разъезжались, не смотрели

друг на друга как на врагов ещё совсем недавно. Мозг цепляется за эту иллюзию, но я тут же одёргиваю себя. Это ничего не значит. Забота — ещё не прощение. И уж точно не доверие.

Кир возвращается с таблетками и водой, приподнимает меня за плечи.

— Пей.

Горько. Морщусь, но глотаю послушно. Он укутывает меня пледом, садится на край кровати. Между нами остаётся расстояние, но не такое большое. Я ловлю себя на том, что всматриваюсь в его лицо. Усталое, напряжённое, с залёгшей между бровей складкой. Таким я его редко видела. Обычно Кир собранный, уверенный, будто у него всегда есть план. А сейчас он выглядит... растерянным.

— Почему ты не позвонила? — наконец спрашивает он.

— А смысл? — пожимаю плечами, насколько позволяет слабость. — Ты же всё уже решил.

Он сжимает челюсть, отворачивается.

— Я не выгонял тебя.

— Ты сказал съехать, — напоминаю спокойно. — Я и съехала. Временно.

Повисает тишина. Тяжёлая, вязкая. В ней столько всего недосказанного, что мне физически больно в ней находиться. Я закрываю глаза, чувствуя, как снова накатывает жар.

— Спи, — тихо говорит он уже мягче. — Утром поговорим.

Хочу сказать, что «утром» может быть слишком поздно. Что я уже знаю больше, чем он думает. Что у меня внутри всё выжжено до пепла. Но слова не находятся. Болезнь берёт своё.

Последнее, что я ощущаю, — как он поправляет плед и остаётся сидеть рядом.

Утром я нахожу на тумбочке таблетку жаропонижающего и стакан воды. Вода ещё прохладная, значит, он ставил её недавно. Смотрю на другую половину кровати с идеально ровной простынёй и облегчённо вздыхаю. Всё-таки ночевал в другой комнате. Как настоящий джентльмен. Не выгонял бы он меня из дома парой дней раньше, подумала бы, что вот так и должен себя вести любящий мужчина. Но увы.

Скорее, совесть не позволила оставить меня на лестнице. Или банальный страх, что мне станет хуже, и потом придётся отвечать за последствия. Но всё поправимо. Не стоит обольщаться и придумывать то, чего нет.

Послушно проглотив лекарство, чувствую, как горло всё ещё саднит, а тело ломит, будто меня переехал поезд. Температура, кажется, спала, но слабость такая, что каждое движение даётся с усилием. Натягиваю его старую футболку, первую, что попала под руку, и иду искать Кира.

Он варит себе кофе на кухне, стоит спиной ко мне, опираясь бедром о столешницу, даже не потрудившись надеть футболку. Мышцы на спине напряжены, лопатки двигаются под кожей, как и всегда, когда он чем-то раздражён. Запах свежемолотого кофе ударяет в нос, и на секунду всё кажется почти нормальным.

— Ты не один дома, в курсе? — голос у меня хриплый.

Он оборачивается, окидывает меня быстрым взглядом, задерживается на лице.

— Ты что-то рано встала. Как чувствуешь себя?

— Лучше, — вру, потому что не хочу, чтобы он снова включал режим заботливого мужа.

— Оденься, пожалуйста.

Он фыркает, делает глоток кофе, будто тянет время.

— Что ты там не видела?

— Забыл, что мы разводимся?

— Забудешь тут, — морщится, но всё же тянется за футболкой, висящей на спинке стула, и накидывает её, не отводя от меня взгляда.

Я прислоняюсь к косяку, потому что ноги предательски подгибаются. Я пришла за ответом, а не за очередным раундом перепалки.

— Хотела у тебя уточнить ещё кое-что, — говорю медленно, подбирая слова, будто иду по тонкому льду. — Давно ты в курсе, что Вера в тебя влюблена?

Дорогие читательницы,

Хочу познакомить вас с новинкой литмоба "(Не) развод под новый год"
Оксана Рэй "Развод. Не время сдаваться"

<https://litnet.com/shrt/-qrw>

Глава 16 Диана

Кир смотрит исподлобья, задерживая взгляд дольше обычного, будто прикидывает, сколько именно можно сказать, чтобы не усугубить. Челюсть у него напряжена, на скулах играют желваки. Вот только половина правды или её аккуратная версия меня попросту не устроят. Мне сейчас нужна именно правда — голая, неприятная, без смягчающих формулировок.

— Только честно, — добавляю тише, но жёстче, словно вбиваю гвоздь.

Он тяжело выдыхает, опирается ладонями о столешницу и, не глядя на меня, отвечает:

— Ди, если ты хочешь использовать это против меня, то сразу говорю, не стоит. Потому что давно.

Меня будто ударяют под дых. Не само признание даже, а то, с какой будничной спокойностью он это произносит. Ни тени сомнения, ни попытки сгладить.

— Сколько? — выдавливаю, чувствуя, как пересыхает во рту.

— Столько же, сколько я тебя знаю.

Ноги становятся ватными. Я на автомате опускаюсь на стул, который стоит у стола, и прячу лицо в ладонях. Пальцы дрожат. Накрывает так резко и мощно, что в какой-то момент кажется: ещё секунда, и я просто рассыплюсь на части. В голове гул, в груди давит, дышать сложно.

— Кир, — голос срывается, — почему ты не рассказал? Это ведь не просто какая-то незначительная информация. Это... это важно.

Он молчит пару секунд, потом пожимает плечами, будто и сам до конца не уверен, правильный ли ответ сейчас даст.

— Она же подруга твоя. Я не хотел вставать между вами. Да и, если честно, мне как-то всё равно на неё было.

— Она... — начинаю и замолкаю, потому что горло внезапно перехватывает. Приходится прокашляться, сделать глоток воздуха. — Она подкатывала к тебе?

— Бывало, — кивает, морщась, словно вспоминая что-то неприятное.

— А ты? — поднимаю на него взгляд, в котором, наверное, сейчас слишком много всего сразу.

— Никогда, — отвечает резко, даже с оттенком брезгливости. — Ты думаешь, я бросаюсь на каждую, кто зелёный свет даёт, что ли? — он фыркает и тут же хмурится. — Слушай, вообще-то обидно, что спустя столько лет ты обо мне вот такого мнения.

— Вообще-то нет, — качаю головой. — Я... я и в ней не сомневалась никогда. Даже мысли такой не допускала. Зря, как оказалось.

— Так а съехала ты поэтому? — спрашивает уже тише, внимательнее, словно начинает складывать картину.

— Кир, — снова чувствую, как подкатывает ком к горлу, — я видела её любовное письмо к тебе. Настоящее, понимаешь? С аргументами, почему тебе будет лучше с ней. И коллаж, где она поверх моего лица своё наклеила. — Меня передёргивает от одного воспоминания. — Я просто физически не могу с ней рядом находиться. Ещё и слова её...

Кир резко выпрямляется, ставит кружку на стол с таким стуком, что кофе едва не выплёскивается через край.

— Что именно она говорила?

— Что наш брак давно висел на волоске. Что я ничего не замечаю. Что она спокойно подождёт развода и «приберёт тебя к рукам». — Я усмехаюсь, но выходит криво. — Представляешь? Как вещь. Как корову на рынке.

Он шумно выдыхает, проводит ладонью по лицу, цепляя щетину.

— Она совсем с катушек слетела, — глухо говорит. — Я знал, что у неё нездоровая фиксация, но чтобы до такого...

— Ты знал, Кир, — перебиваю, поднимая на него глаза. — Вот в этом и проблема. Ты знал. И молчал.

Он смотрит на меня уже иначе.

— Ди, я не думал, что она полезет дальше слов. Для меня она всегда была... фоном. Тенью. Я расставил границы.

— Но не сказал мне, — качаю головой. — А значит, лишил меня права решать. Лишил возможности защитить себя. Или хотя бы не делиться с ней тем, что она потом использовала против меня.

Между нами повисает тяжёлая пауза.

— Прости, — наконец говорит он тихо. — Я правда думал, что так будет лучше.

— Для кого? — спрашиваю без нажима. — Для меня или для твоего спокойствия?

Он не отвечает сразу. И этого молчания достаточно, чтобы я всё поняла.

— Знаешь, — говорю уже спокойнее, устало, — я не знаю, сможем ли мы что-то починить. После флешки. После Веры. После всего. Но я точно знаю одно: если бы ты рассказал мне тогда, возможно, сегодня я не чувствовала бы себя такой... использованной. Сразу двумя людьми.

— Я не с ней, Ди, — произносит он твёрдо. — Никогда не был и не буду. Если ты в этом сомневаешься — зря.

— Я сомневаюсь не в этом, — отвечаю, поднимаясь со стула. — Я сомневаюсь в том, что вообще знала людей, которым доверяла больше всего.

Слабость снова накатывает волной, и я хватаюсь за край стола. Кир тут же делает шаг ко мне, но я выставляю ладонь.

— Не надо. Дай мне просто... время.

Я уже собираюсь уйти обратно, потому что разговор вымотал сильно, но в голове вспыхивает мысль, от которой невозможно просто так отмахнуться. Кир тогда слишком уверенно говорил, что Наташин ребёнок не от него. Раньше я бы поверила на слово, не задумываясь. Сейчас — нет. После всего, что на меня навалилось, доверие стало роскошью, которую я больше не могу себе позволить.

Конечно, свою правду относительно видео я обязательно докажу. Не ради него даже — ради себя. Просто не сейчас. Мне нужно хоть немного прийти в себя, оклематься, перестать дрожать от каждого резкого слова и взгляда.

— Кстати, что у тебя с Наташей? — оборачиваюсь, уже стоя в пол-оборота, будто спрашиваю между делом.

— Ничего, — отвечает он быстро и слишком уверенно, даже не делая паузы, так что я, кажется, действительно начинаю ему верить.

— А ребёнок? — уточняю, глядя прямо, не отводя взгляда.

— На следующий день мы съездили и сдали кровь на анализ, — говорит уже спокойнее, опираясь бедром о столешницу. — Обещают, что будет готов в течение двух недель. Убедишься, что ничего у меня с ней не было.

Я медленно киваю, переваривая услышанное. Две недели. Смешной срок, если подумать. Целая вечность и одновременно ничто.

— Хм... — выдыхаю, чувствуя, как немного отпускает напряжение в груди. — Ладно.

Делаю паузу, собираясь с мыслями. Этот вопрос даётся сложнее, чем все предыдущие. Не потому что он важнее, а потому что унизительнее.

— Кир, — поднимаю на него взгляд, — ты не против, если я пока поживу тут? Пока ищу квартиру.

Дорогие читательницы,

Хочу познакомить вас с новинкой литмоба "(Не) развод под новый год"
Ирма Шер "Развод. Больше не вместе?"

<https://litnet.com/shrt/jwSk>

Глава 17 Диана

Не могу разгадать, что он думает в этот момент. Кир смотрит куда-то мимо меня, будто взвешивает что-то внутри себя, перекладывает с одной чаши весов на другую. Может, торгуется со своей совестью, может, просто не хочет лишний раз усложнять то, что и так развалилось.

— Поживи.

Слово короткое, сухое.

— Только спальня одна, но...

— Не проблема.

— В смысле? — поднимаю на него взгляд.

— На двух метрах мы как-то разместимся, не считаешь? — уголок его губ дёргается, но это совсем не улыбка. — Ну или могу предложить тебе комфортабельный диван, на котором у тебя отвалится спина. Прости, но в этом вопросе я джентльменом больше быть не готов.

Я молча перевариваю услышанное. В его словах нет злости, скорее усталость и какая-то глухая оборона.

— Ладно. Постараемся разместиться. Спасибо, Кир.

— Ага.

Он допивает свой кофе одним глотком, будто ставит точку, и уходит в ванную, не оглядываясь. Я слышу, как включается вода, и только тогда позволяю себе выдохнуть.

Я, конечно, очень ему благодарна за то, что мы вот так легко решили вопрос с моим проживанием. Честно говоря, морально я готовилась к самому худшему: к отказу, к упрёкам, к холодному «ищи, где хочешь». Но мой вид сейчас однозначно оставляет желать лучшего, бледная, вымотанная, с осипшим голосом, и, видимо, Кир всё-таки сжалился. Или просто не смог иначе.

Плечусь в спальню, занимая свою привычную половину кровати. Словно по инерции, будто ничего и не менялось. Провожу ладонью по покрывалу, чувствую знакомую ткань под пальцами и машинально смотрю на пустующую половину рядом.

Как это будет? Мы словно соседи по коммуналке, пожелаем друг другу спокойной ночи и отвернёмся к своим стенам? Или лучше будет сделать вид, что я уже сплю, чтобы не ловить его взгляд, не думать, куда деть руки и куда смотреть?

Но это ведь только сегодня. А потом? От этой мысли становится тревожно, и я натягиваю одеяло повыше.

Вечером он заходит в спальню без лишних слов. Я слышу это ещё до того, как вижу: скрип половиц, короткая пауза у двери, будто он решает, стоит ли вообще заходить. Я делаю вид, что уже под одеялом и читаю что-то в телефоне, хотя экран давно погас, а мысли скачут как угорелые.

Кир щёлкает выключателем настольной лампы со своей стороны. Полумрак становится густым, интимным, таким, каким он всегда был у нас перед сном. От этого вдруг делается не по себе. Слишком привычно.

Он раздевается. Я не смотрю, но всё равно чувствую каждое движение, как снимает футболку, как стягивает джинсы, как садится на край кровати. Матрас прогибается, и это ощущается почти физической болью где-то под рёбрами. Мы так много раз делали это — ложились спать рядом, не думая ни о чём, кроме завтрашнего утра. А теперь между нами будто невидимая стена, но при этом расстояние — смешные сантиметры.

Кир ложится, отворачиваясь к своей стороне.

— Ты как?

— Нормально, — отвечаю после паузы. — Температуры вроде нет.

— Если что — скажи.

Киваю, хотя он этого не видит. Мы снова замолкаем.

Я лежу на спине и смотрю в темноту, прислушиваясь к его дыханию. Оно неровное сначала, будто он тоже не может устроиться. Кир несколько раз меняет позу, вздыхает. Я стараюсь дышать тише, чтобы не мешать.

В какой-то момент он переворачивается, и его рука почти касается моей. Этого хватает, чтобы меня прошибло током. Я задерживаю дыхание, а сердце начинает колотиться.

Ни один из нас не делает шаг навстречу. Ни жеста, ни слова. Только это странное, болезненное соседство, когда хочется и невозможно одновременно.

Постепенно дыхание Кирилла выравнивается. Он засыпает раньше меня, как и всегда.

Я же ещё долго лежу с открытыми глазами, боясь пошевелиться. В конце концов усталость всё-таки берёт своё. Мысли путаются, становятся вязкими. Последнее, что я ощущаю перед тем, как провалиться в сон, — его тепло совсем рядом и странную, горькую мысль о том, что иногда быть рядом куда больнее, чем быть одной.

Утром я просыпаюсь от непривычной тишины. Сначала даже не понимаю, что не так, а потом доходит — в квартире никого нет. На кухне тоже пусто.

Чувствую себя заметно лучше: голова яснее, горло уже не режет при каждом глотке, тело не ломит так отчаянно. Завтракаю простым бутербродом, даже аппетит появляется — хороший знак. Убираю за собой, мою чашку и вдруг ловлю себя на мысли, что веду себя так, будто всё нормально. Будто мы не на грани развода, будто я не живу в доме человека, который выгнал меня отсюда пару дней назад.

После завтрака сажусь за ноутбук. Пора заниматься реальностью, а не бесконечно прокручивать в голове разговоры, взгляды и недосказанности. Открываю вкладки с объявлениями — теми самыми, которые сохранила ещё у Веры. Квартиры, студии, однушки. Ничего идеального, но и не катастрофа.

Пишу всем подряд. Вежливо, коротко, по делу. Здравствуйте, интересует квартира, актуально ли объявление, готова посмотреть в ближайшие дни. Отправляю одно сообщение за другим и чувствую странное облегчение — я что-то делаю, а не просто жду, пока жизнь решит за меня.

Час проходит. Потом второй. Я периодически обновляю почту, мессенджеры, но в ответ — тишина. Ни «да», ни «нет», ни даже банального «объявление уже не актуально». К обеду начинает раздражать. Неужели так сложно ответить?

К середине дня терпение заканчивается. Ладно, план Б. Лезу в контакты, нахожу номер риэлтора, которого мне когда-то советовали на работе. Немного колеблюсь, потом всё же нажимаю вызов.

— Алло, — бодро отвечает женский голос.

— Здравствуйте. Меня зовут Диана. Мне вас порекомендовали как хорошего риэлтора. Я ищу квартиру в аренду, но столкнулась с тем, что по объявлениям вообще никто не отвечает. На том конце провода слышится короткий смешок.

— А-а, понятно. Классика жанра.

— В смысле? — хмурюсь я.

— Неделя до Нового года, — хмыкает она. — Самый мёртвый сезон. Хозяева либо разъехались, либо заняты подарками, ёлками и корпоративами. Им сейчас вообще не до арендаторов.

— То есть дело не во мне? — уточняю на всякий случай.

— Абсолютно нет, — уверенно отвечает она. — Числу к пятому, а то и к десятому января все резко «выйдут из спячки». Вот тогда и начнётся движуха.

— А раньше никак? — с надеждой спрашиваю я.

— Теоретически можно что-то выловить, но это скорее исключения. Я бы подождала.

Я благодарю её, мы договариваемся созвониться после праздников, и я кладу трубку.

Сажу, уставившись в экран ноутбука, и вдруг понимаю, что застряла. Между прошлым, которое рассыпалось, и будущим, которое пока не торопится наступать. Пятое, десятое января... Это же целая вечность.

Дорогие читательницы,

Хочу познакомить вас с новинкой литмоба "(Не) развод под новый год"
Анна Царская "Развод. Ошибка молодости"

<https://litnet.com/shrt/CeVz>

Глава 18 Диана

Интересно, какие планы у Кира на новогоднюю ночь? Мы ведь изначально собирались вместе поехать к друзьям, отметить всё большой шумной компанией в загородном доме, с гирляндами, салатами в тазаках, шампанским под бой курантов и дурацкими конкурсами. Я даже платье себе присматривала, мысленно примеряла его к этой ночи. А теперь... теперь я даже не уверена, что вообще хочу выходить из дома в этот вечер.

Честно говоря, я бы не хотела отвечать на многочисленные вопросы о том, что у нас и как. Я слишком хорошо знаю этих людей: вроде бы все доброжелательные, улыбаются, сочувственно кивают, но при этом каждый считает своим долгом поковыряться в чужой жизни. Понятно, что от людского любопытства никуда не денешься, и всю доступную им информацию они уже обсудили и не раз. Наверняка уже есть версии, домыслы, кто виноват и кто первый оступился. Но одно дело — знать об этом где-то на уровне слухов, и совсем другое — оказаться в эпицентре, сидеть за столом и ловить на себе взгляды.

Тем более что я и сама не понимаю, что будет дальше. Лишившись привычных и понятных ориентиров в жизни, я как-то растерялась. Всё, что раньше казалось стабильным и надёжным, вдруг рассыпалось, и я стою посреди этого хаоса, не зная, за что хвататься. Это в теории легко рассуждать, как бы ты поступила в той или иной ситуации. Кажется же, по всем канонам и подружкиным советам, что если вдруг муж изменит, то ты гордо хлопнешь дверью, построишь новую жизнь без него, станешь счастливее и обязательно утрёшь ему нос, а он будет кусать локти и жалеть, что упустил такое сокровище. Но когда измена, или то, что выглядит как измена, случается именно с тобой, вдруг всё перестаёт быть таким однозначным и чёрно-белым.

Что говорить, сегодня мы спали в одной кровати. Я до сих пор не понимаю, как это вообще возможно. И это с учётом того, что он уверен: я ему изменяла. А я своими ушами слышала его разговор о беременности другой женщины. Если с моей стороны всё более-менее понятно, я знаю, что не делала ничего такого, то с его... С чего он тогда так спокоен? Или просто хорошо это скрывает? Что, если результат анализа действительно придёт отрицательный? Что, если Наташа солгала или ошиблась? Получается, я буду ничем не лучше него, если уже сейчас приняла её слова за чистую монету и мысленно вынесла приговор. От этой мысли становится особенно горько и тревожно, потому что я всё меньше понимаю, где здесь правда, а где мои страхи.

Кир приходит поздно, когда за окнами уже совсем темно, а во дворе мигают редкие гирлянды на балконах. Я слышу, как он возится в прихожей, снимая куртку, и почему-то заранее напрягаюсь, потому что сейчас предстоит важный разговор, к которому я всё равно не готова.

— Кир, — выхожу к нему из кухни, сжимая в руках кружку с уже остывшим чаем. — Я сегодня звонила риэлтору. Похоже, раньше десятого января я жильё не найду.

Он на секунду замирает, потом устало проводит ладонью по лицу.

— Я так и думал, — вздыхает. — Перед праздниками всегда так.

По его тону понятно: радости ноль. Но и возражать он не собирается.

— Значит, поживёшь пока здесь, — добавляет после паузы. — Раз уж договорились.

— Спасибо, — тихо говорю я, и это «спасибо» выходит каким-то слишком личным, неловким.

Он кивает, словно мы обсуждаем что-то бытовое и совершенно незначительное, и идёт на кухню налить себе воды. Я иду следом, потому что вопрос уже крутится в голове, и если не задать его сейчас, потом станет ещё сложнее.

— Слушай... — начинаю осторожно. — А ты Новый год где собираешься встречать? К Маховым поедешь?

Кир пожимает плечами, делая глоток из стакана.

— Наверное, да. Мы же изначально так и планировали.

— А ты? — смотрит на меня в упор.

— Я останусь дома.

— Из-за меня? — спрашивает прямо, без лишних экивоков.

Я отвожу взгляд к окну, где на стекле отражается кухня и мы в ней.

— Просто не хочу столько внимания, — отвечаю честно. — Вопросов, взглядов, сочувственных вздохов. Я сейчас этого не выдержу.

Он молчит пару секунд, потом ставит стакан в раковину.

— Я могу с ними переговорить, — говорит спокойно. — Тебя не будут доставать вопросами.

— Кир... — качаю головой. — Даже если не будут, я всё равно буду чувствовать себя под микроскопом. Мне проще остаться здесь. В тишине.

Он снова кивает, уже без споров.

— Ладно. Как скажешь.

Мы замолкаем. Между нами повисает странная пауза — не напряжённая, но и не уютная. Такая, в которой каждый думает о своём и не знает, стоит ли делиться.

— Значит, ты поедешь, а я буду дома, — подвожу итог, скорее для себя.

— Если ты передумаешь... — начинает он, но тут же обрывает фразу. — В общем, ты поняла.

— Поняла.

Ближе к тридцать первому я всё же решаю поехать на вечеринку. Мысль остаться одной дома, включить очередной новогодний фильм и делать вид, что мне так и надо, кажется особенно жалкой. Самостоятельно обрекать себя на одиночество в такой день — слишком жестоко даже по отношению к себе.

Кир готовится молча. Без суеты, без комментариев. Когда он выходит из спальни, я невольно задерживаю дыхание. Белый костюм сидит на нём идеально, подчёркивая плечи и талию, белая рубашка без галстука, расстёгнутая на одну пуговицу больше, чем принято. Он выглядит так, будто сошёл с обложки глянца. Спокойный, собранный, чертовски красивый.

Я ловлю себя на том, что смотрю слишком долго, и отворачиваюсь, делая вид, что поправляю платье. Выбрала золотистое, не вызывающее, но заметное, мягко переливающееся при каждом движении. Волосы слегка завилы, макияж — минимальный, но аккуратный. Хочется выглядеть хорошо.

Судя по тому, как Кир задерживает на мне взгляд, получилось. Он смотрит внимательно, изучающе. Проходится взглядом с головы до ног и заметно сглатывает, кадык дёргается на шее.

— Пойдём? — спрашиваю, первой нарушая это странное молчание.

— Да, — отвечает после паузы, всё ещё не отводя глаз.

Я тянусь к двери, беру клатч, глубоко выдыхаю.

Открываю дверь, и реальность врывается в лицо холодной волной.

На пороге стоит Наташа.

Рука её уже поднята к звонку, будто она собиралась нажать на кнопку в ту же секунду, что я открыла. В другой — плотный конверт. Она накрашена, причёска безупречная, пальто распахнуто, словно специально, чтобы подчеркнуть живот. Не очень большой, едва заметный, если знаешь, куда смотреть.

Мы замираем друг напротив друга.

Глава 19 Диана

На долю секунды в её глазах мелькает растерянность, потом — что-то похожее на удовлетворение. Она переводит взгляд с меня на Кира, стоящего за моей спиной, в своём белом костюме, и уголок её губ едва заметно приподнимается.

— Ой... — тянет она. — Я не знала, что вы вместе.

Я чувствую, как Кир напрягается позади меня. Почти физически ощущаю его присутствие, его тепло, его молчание.

— Теперь знаешь, — спокойно отвечаю я, сама удивляясь своему тону.

Наташа делает вид, что смущена, опускает взгляд на конверт, потом снова поднимает его.

— Я ненадолго. Мне нужно было передать Кириллу кое-что важное. Лично.

Она подчёркивает последнее слово, и мне хочется рассмеяться. Или захлопнуть дверь. Или сделать и то и другое одновременно.

— Говори, — холодно произносит Кир, выходя вперёд и вставая рядом со мной, плечом к плечу.

Он не касается меня, но этого достаточно. Я чувствую поддержку, пусть даже временную, пусть даже иллюзорную.

Наташа протягивает конверт.

— Здесь результаты. Мне сказали, что можно забрать уже сейчас. Я подумала... ты имеешь право знать первым. Я их не открывала ещё, давай вместе посмотрим?

В подъезде становится слишком тесно, слишком душно, хотя дверь открыта. Новый год, гирлянды у с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.